

УКРАИНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

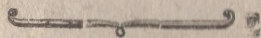
на

1816^й ГОДЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Мѣсяцъ Іюль.

ХАРЬКОВЪ:

Въ Университетской Типографіи,

1816.

Учрежденный при ИМПЕРАТОРСКОМЪ
Харьковскомъ Университетѣ Цензурный
Комитетъ, основываясь на донесеніи чи-
тавшаго сіе сочиненіе Профессора Ивана
Срезневскаго, печатать оное дозволяетъ
съ тѣмъ, — чтобы по напечатаніи, до вы-
пуска въ Публику, представлены были въ
Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ
для Цензурнаго Комитета, два для Депар-
тамента Министерства Просвѣщенія, два
для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Биб-
ліотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ
Академіи Наукъ. Іюля 4 дня 1816 года.

Деканъ Гаеріилъ Успенскій.

УКРАИНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

МѢСЯЦЪ ІЮЛЬ.

І. НАУКИ И ИСКУСТВА.

О Самарїи,

*или показаніе причинъ: отъ чего воз-
родилась и возрасла ненависть ме-
жду Іудѣями и Самарянами?*

Естьли бы я былъ живописецъ и живопи-
сецъ Геній; то минушы воодушевленія въ цѣ-
лой моей жизни посвятилъ бы обрабатыва-
нію двухъ картинъ: 1-я когда Іисусъ Хри-
спось на сонмищѣ Іудѣйскомъ предъ Фарисе-
ями изцѣляетъ человѣка съ сухой рукою (*);
2-я когда сей же Богочеловѣкъ бесѣдуетъ съ
Самарянынею при студенцѣ Іаковлевомъ
близъ Самарянскаго города Сихаря (**). Въ
первой картинѣ употребилъ бы я всю силу

(*) Марк. Глав. 3. сп. ошъ 1-го до 6-го. Лук. Гл.
6-я сп. ошъ 6-го до 11-го.

(**) Іоан. Гл. 4-я сп. ошъ 5-го до 27-го.

искуства, — чѣмъ выразить потѣ укориз-
ненный взоръ, который — послѣ словъ *доб-*
роли достигъ творити въ Субботу, или
зло — обращаетъ Иисусъ Христосъ къ же-
стокосердому сонмищу Фарисеевъ и съ
симъ вмѣстѣ прощаетъ всешворящую
десницу, касается больного и переливаетъ
жизнь въ составъ давно уже лишенный
оной. Съ послѣднимъ дѣйствіемъ и взоръ
сей долженъ претворяться въ состра-
дательную благость, — онъ долженъ изъ
безнадежнаго унынія перевести больного
въ восхищенную радость. Всѣ же дѣй-
ствіе могли бы дополнять множество лицъ
съ различными чувствами: одни въ упо-
еніи души сострадательной, съ слезами
радости смотрѣли бы на изцѣленнаго;
другіе съ выраженіемъ всей благодарно-
сти на Спасителя; третьи не довѣряли
бы чуду и испытующими взорами хо-
тѣли проникнуть, — кто есть сей
изцѣляющій словомъ, прикосновеніемъ
всякъ недугъ? — и наконецъ Фарисеи со-
вѣщали бы, да на Него возглаголютъ и
погубяшь. — Въ другой картинѣ пред-
ставлялъ бы я всю важность бесѣды

Спасителя людей, скрывающаго себя подъ браннымъ нашимъ тѣломъ, съ Самарянской женою: путь Богочеловѣкъ научалъ жену истинному поклоненію Богу, безукоризненной и щасливой жизни, — показывалъ потокъ источникъ воды живоноснѣющей, который погашаетъ жажду нашихъ суетныхъ желаній, желаній — коихъ неумѣренности приписывать надобно всѣ бѣдствія нами претерпѣваемыя. Не знаю, естли въ искусствѣ — живописи средство представлять не одну секунду времени накартинѣ, — а нѣкоторое ихъ послѣдствіе. Такъ на пр. здѣсь нужно было бы въ лицѣ Самарянки представить переходъ самый выразительный отъ начала бесѣды до словъ Іисуса Христа *азъ есмь глаголюй съ тобою*: сперва удивлялась она, — какъ Жидовинъ проситъ у Самарянки? — далѣе она должна догадываться, что сей челоѣкъ — есть не изъ числа обыкновенныхъ людей: ибо разговоръ его важенъ, премудръ; далѣе она по необходимости должна изумиться, когда открываютъ ей сокровеннѣйшія тайны жизни ея; еще далѣе она должна припши

въ умиленіе, что общаются ей воду живую — спасеніе, — хотя и спаралась показать словами *ни почерпала илаши и студенецъ глубокъ*, будшо не понимаетъ ино-сказанія; и наконецъ что должна она почувствовать, когда ожидаемый всею мїромъ Мессія сказалъ ей: *азъ есмь глаголюй съ тобою?* И каково должно быть представлено лице Спасителя при сихъ словахъ, чтобъ не оставить ни малѣйшаго сомнѣнія о истиннѣ словъ его въ сердцѣ жены? Много видаль я картинъ представляющихъ сію Евангельскую Историю; но ни одна не удовлетворяла чувству, которое раждается во мнѣ всегда при чтеніи сей Истории очень просто, кажется, изложенной Іоанномъ Богословомъ.

Чтеніе и разсужденіе о сей Истории, восхищая душу, заставляло всегда мой умъ искать причины: отъ чего родилась, чѣмъ усилилась и здѣлалась неискоренною ненависть между Іудѣями и Самарянами — народами одного происхожденія и долго составлявшими одно царство, — на которое благость Божія излила всѣ, кажется, свои щедроты? Сія ненависть

не умерла даже и съ сими народами: ибо вездѣ до сихъ поръ, гдѣ извѣстна священная Исторія, — выражаютъ совершенный раздоръ двухъ людей, двухъ состояній, или двухъ Государствъ словами *не прикасаются Жидове къ Самаряноу*.

Случай доставилъ мнѣ найти Латинскую книгу въ одной Семинарской Библіотекѣ и полное разрѣшеніе сего вопроса. Тамъ изложены совершенно какъ причины, такъ и послѣдствія сей ненависти между Самарянами и Іудѣями. Не могу называть переводомъ представляемаго здѣсь мѣста изъ вышеупомянутой Латинской книги: ибо я дѣлалъ только извлеченіе, сохраняя впрочемъ весь порядокъ мыслей и вѣрность ихъ; — и даже не помню ни имени Автора сего сочиненія, ни заглавія книги. Впрочемъ думаю, — что не бесполезно будетъ для Читателей Вѣстника, занимающихся и любящихъ священную Историю, узнать нѣкоторыя подробности сей вражды двухъ народовъ нѣкогда славныхъ, разсѣяныя по многимъ книгамъ Вѣщаго Завѣща и собранныя воедино сочинителемъ, о коемъ говорю. Не смѣю такъ же

ручаться изавѣрность приводимыхъ мѣстъ изъ Священнаго Писанія и другихъ книгъ; ибо нѣкоторыя изъ нихъ, когда повѣрялъ я, оказались несправедливыми и для сего пропущены мною.

„Отпторженіе десяти Колѣнъ подъ предводительствомъ Іеровоама — Министра Ровоамова отъ цѣлаго царства Іудѣйскаго — произвело расколъ и въ самой вѣрѣ раздѣлившихся. Ибо сей новый Царь Израильскаго царства Іеровоамъ по благо разумію и дальновидности своей скоро усмотрѣлъ: что еслии его подданные все будутъ по прежнему сходиться во Іерусалимъ — отправлять Закономъ учрежденные праздники въ храмъ Соломоновомъ и тамъ приносить Богу жертвы; то весьма легко случиться можетъ, — что они важностію и великолѣпіемъ самага Богослуженія, рачительностію и благоговѣніемъ Священниковъ, ласками или угрозами Іерусалимскихъ Государей и наконецъ убѣжденіями народа къ Давидову дому приверженнаго колеблются и опяшь предадутся законному Царю своему. Итакъ, чтобы отвратить сіе, повелѣлъ

онъ въ Данѣ (городѣ) на Сѣверѣ и въ Ве-
еилѣ на Югѣ — въ самыхъ царства сво-
его предѣлахъ — поставивъ изваянїя зо-
лотыхъ шельцовъ, — объявляя: что они
суть точно такое же знаменїе присущ-
ствїя тамъ Божїя, какъ и Херувимы во
Свяшилицѣ Соломонова храма постав-
ленные (*). За симъ опредѣлили онъ и
Священниковъ, предписавъ и обряды оп-
равленїя службы и приношенїя жертвъ,
какъ можно больше сходные съ Іеруса-
лимскими, — и далъ наиспрожайшее по-
велѣнїе: дабы народъ его отселъ всег-
да здѣсь совершалъ свои праздники, а во
Іерусалимъ болѣе не восходилъ (**).

(*) Сїи однакожъ изваянїя шельцовъ, въ пере-
водахъ съ Еврейскаго вездѣ такъ называемыя,
имѣли точный видъ Херувимовъ во Свяшилицѣ
поставленныхъ. Примѣч. Сочин.

(**) Восходилъ слово сїе вездѣ почти находится,
гдѣ только въ Священныхъ Книгахъ говорится
о прибытїи во Іерусалимъ: такъ на пр. у Еван.
Матѣ. Гл. 20-я ст. 17, и восходя Іисусъ во
Іерусалимъ и проч. ст. 18. рече: се восходимъ
во Іерусалимъ. Думаютъ съ достоверностію,
о употребленїи сего слова пошому, что Іеруса-

„Таковое раздѣленіе въ самой Вѣрѣ конечно должно было усиливать неприязненность между Іудѣями и Израильскими — такъ назывались отдѣлившіеся десять Колѣнъ. Расколъ сей не могъ быть приятенъ Богу единому, бывъ противенъ закону отъ Него народу своему предписанному; однакожь сія часть народа Его не была Имъ вдругъ совершенно оспавлена: Богъ воздвигалъ многихъ среди Израильскаго царства Пророковъ, которые ученіемъ и чудесами въ защищеніе истинной Вѣры сотворенными старались удерживать народъ къ безвѣрію или идолопоклонству стремящійся. Между сими Пророками особенно извѣстны намъ Ілїя и Елисей защитники Богослуженія во время сильнаго гоненія на оное со стороны нечестивыхъ Ахава и Езавели. Но наконецъ, когда Израильскіе мѣру беззаконій своихъ исполнили, — Богъ послалъ на нихъ Салманассара съ безчисленнымъ

лишь находился на возвышенности и даже на горахъ, — гдѣ особенно на Сїонѣ стоялъ и храмъ Соломоновъ, и домъ Давидовъ. Примѣч. Издат.

воинствомъ,—который Самарію(*) столицу Израильскаго царства взялъ и разрушилъ,

(*) Самарія получила названіе свое отъ Семира — прежняго владѣльца той горы, на коей она построена. Сей владѣлецъ продалъ сію гору Амврію (Царств. 3. гл. XVI. ст. 24.) шестому Израильскому Царю, который и выстроилъ Самарію. Сынъ его Ахавъ и слѣдующіе за нимъ Израильскіе Цари имѣли въ ней свое пребываніе и Престолъ Царства. Такимъ образомъ чрезъ пребываніе Царей и Министровъ двора сей городъ въ короткое время очень увеличился, украсился и укрѣпленъ былъ швердыми стѣнами такъ, — что въ послѣдующее время выдерживалъ многія осады отъ Царей Сирійскихъ наводимыхъ. По преселеніи десяти колѣнъ Салманассаромъ въ Халдѣю, оставленная страна сія получила отъ главнаго города названіе Самаріи; а малые осѣлки сихъ десяти Колѣнъ, перемѣщенные съ переведенцами изъ Вавилона и окрестностей ея для занятія мѣста прежнихъ жителей, — по новому наименованію страны стали называться Самарянами. Имена сіи много вѣковъ были въ употребленіи: ибо и во времена еще Спасителя Самарянская земля отдѣлялась отъ Іудѣйской, такъ какъ и Самаряне отъ Іудѣевъ. (Іоанн. гл. IV. ст. 4, 5 и 9).

Послѣ смерти Александра Великаго и городъ, и страна — Самарія подпали власти Царей Египетскихъ. Но Антиохъ Великій, завоевавъ сопре-

десять Колѣнь оное составлявшихъ оп-
вель въ плѣнь на неизмѣримыя Халдѣй-

дѣльныя Сириі области, покорилъ такъже и Са-
марію себѣ и своимъ преемникамъ. До самаго
Иркана 2-го Іудѣйскаго Князя (около 40 лѣтъ
до Р. Х.) находилась она подъ владѣніемъ Сириі;
но сей Государь взявъ приспуюмъ городъ Сама-
рію и сравнявъ его съ землею, — храмъ на горѣ
Гаризимѣ построенный Самарянами и долго не-
уступавшій въ славѣ Іерусалимскому сожегъ.
Наконецъ Иродъ первый Іудѣйскій Царь возста-
новилъ изъ развалинъ городъ и назвалъ въ честь
Августа Севасшою; населеніе же онаго со-
стояло большею частію изъ войскъ, кои содер-
жалъ онъ на своемъ жалованьѣ, — дабы удер-
жать въ повиновеніи Іудѣевъ — вѣчно бунпо-
вавшихъ. Онъ построилъ такъже и новый
храмъ на мѣсто сожженнаго Ирканою; принудилъ
однако же Самарянъ — отправлять Богослуже-
ніе въ семъ новомъ храмѣ ни какъ онъ не могъ:
ибо они продолжали совершать жертвоприно-
шенія на горѣ Гаризимѣ подъ открытымъ не-
бомъ думая, — что и святыя, и слава преж-
няя отъ сего мѣста еще не удалились! — Са-
марія подъ именемъ Севасты существовала поч-
ти до новѣйшихъ временъ; одинъ путешествен-
никъ (Маудрелль) жившій въ Палестинѣ былъ
въ ней и говоритъ, что она отъ Сихема от-
стояла на два часа пущи. Прим. Сочин.

скія равнины; а страну ихъ населилъ переведенцами изъ разныхъ народовъ, въ продолженіе побѣдъ своихъ собранными.

„Сіе безпорядочное сборище большею частію язычниковъ ввело съ богослуженіемъ языческимъ и своихъ идоловъ въ Хананѣйскую землю. Богъ наказалъ ихъ за сіе, пославъ дикихъ звѣрей,—(4. Царствъ гл. XVII ст. 25) которые множество тѣхъ поселенцовъ разшерзали. Это несчастіе приписано было чужестранцами тому, что пренебрежено ими было поклоненіе Богу сей страны;—и они просили Царя Ассирійскаго, дабы прислалъ онъ къ нимъ одного изъ Іудѣйскихъ Священниковъ для наставленія въ законѣ и обрядахъ Моисеемъ предписанныхъ. Прозьба ихъ была исполнена; присланный Священникъ, поселясь въ Вееилѣ, поучалъ жителей: *яко да убоятся Бога Еврейскаго. Но — бѣша говоритъ писаніе, (4. цар. гл. XVII. ст. 29.) творяще кійждо языкъ боги своя, — и поставиша я въ храмѣхъ на высокихъ.* Почему и была съ сего времени въ тѣхъ странахъ вѣра смѣшенная; пришельцы, бывъ привержены къ идолослуженію и бо-

ясь вмѣстѣ наказавъ отъ Бога Еврейскаго, сообразно сему и богослуженіе истинное соединяли съ разными поклоненіями кумирамъ. Вѣроятно, что они и самое истинное богослуженіе отправляли не по наученію вышеупомянутаго Священника, — а по обрядамъ хотя и Іерусалимскимъ, но искаженнымъ уже отторгшимися десятию Колѣнами. Были даже индѣ слѣды еще того идолослуженія, которое совершали народы — изгнанные изъ Обѣтованной земли тогда, какъ Богъ ввелъ шуда наслѣдіе Іакова.

„Итакъ весьма ясно, что Самаряне — бывъ почти всѣ идолопоклонники — ни коимъ образомъ не должны были имѣть уже преимуществъ Іудеевъ. Ибо самыя шѣ, кои оставались на мѣстѣ изъ Израильянъ, много уклонились отъ прямого образа Іудѣйской вѣры и ввели богослуженіе совсѣмъ не согласное съ установленнымъ во Іерусалимѣ отъ Давида и Соломона; а потому и книги сихъ Государей отвергали. Что же касается до Пророковъ, кои послѣ раздѣленія жили и писали среди двухъ Колѣнъ пребывшихъ

вѣрными дому Давидову; — то Самаряне по необходимости должны были отвергать ихъ книги: ибо въ нихъ сѣ раздѣленіе всегда и вездѣ охуждаемо было. Кажется, — что Самаряне не имѣли довѣренности даже и къ тѣмъ Пророкамъ, коихъ воздвигалъ Богъ среди нихъ самихъ: пророчества Осїи и Амоса отвергаемы были ими также съ презрѣніемъ. Естьли искать сего причины; то можно полагать еѣ въ недоспаѣчномъ наставленїи прісланнаго изъ Іудѣи Священника: что могъ здѣлать одинъ человѣкъ въ цѣломъ — грубомъ и ненавистномъ ему народѣ? — можно полагать и въ томъ, — что переведенцы сїи начали жить въ той странѣ послѣ смерти двухъ Пророковъ Осїи и Амоса, кои писали еще во время Израильскаго Царства; а потому, не слыжавъ и не видавъ ихъ, они не вѣрили — что Богъ посылалъ сихъ Пророковъ. Какъ бы — то ни было; а достоверно то, что Самаряне ни одной изъ Священныхъ Книгъ не принимали, — кромѣ Пято-книжїя Моисеева, которое написали они буквами своего языка (Самарянскій языкъ опличался

отъ Еврейскаго) и хранили до позднѣйшихъ времянь утверждая, — что оно-то и есть истинное Пято-книжїе Моисеево, подлинникъ Закона. — При всѣмъ однакожь увѣренїи со стороны Самарянъ — свидѣтельство ихъ о семъ предметѣ ложно: ибо ихъ Пято-книжїе все то содержитъ въ себѣ, что послѣ на Еврейскомъ прибавлено; слѣдовательно нѣтъ никакого сомнѣнїя, что они его взяли съ Еврейскаго, — и вѣроятно прежде, нежели Эздра собралъ и соединилъ всѣ Священные Книги воедино: поелику при его жизни ненависть сихъ двухъ народовъ была въ сильнѣйшей степени и конечно ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ занять отъ другаго чего нибудь касающагося вѣры. — Думаю надобно, что большое число экземпляровъ закона дошло къ Самарянамъ тогда, какъ они въ царствованїе Іосїи приходили во Іерусалимъ праздновать Пасху. Сей Государь старался доказатьъ любовь свою къ народу тѣмъ, что позволялъ ему пользоваться экземплярами Закона. (2 Паралипом. гл. 35. ст. 1.).

Такимъ об
питають вели
къ Самарянамъ
ошпаденїи ихъ
поврежденїи
ихъ богамъ
новенно назъ
Кутеями, —
презрѣнїе и
нїя ошъ яз
висть еще
злами, коп
вратившимъ
рались, Са
случаевъ ве
что возобно
ихъ вѣчнымъ
да одни Іу
свою, и пра
отъ чужой
видомъ друж
слуги въ воз
ма, въ постр
Соломонова, —
тѣли опять п
опять служи

оденствія ихъ
(1. Эздр. гл.
кли ихъ намѣ-
іе. Тогда-по
ичину ксвар-
ть. образомъ
серксомъ въ
ю получили
шу при во-
овишь. Ког-
їи невинно-
аряне, здѣ-
вооружен-
IV. ст. 8.)
залось, кло-
ы ненависть
дѣлашь неи-
е Алексан-
рвосвящен-
, у него былъ
ій неизвѣстно
а дочери Сан-
Самарійской
а совершенно
она своего, за-
дѣламъ на инопле-

менныхъ; — сїи опредѣлили: дабы всѣ, кто имѣлъ женъ изъ другихъ народовъ, отпустили ихъ. Въ томъ числѣ предписаніе сїе касалось и Манассїи, который — какъ братъ главы Іудѣйскаго народа — долженствовалъ подавать собою примѣръ въ точномъ исполненіи Закона. Но онъ-то первый и возпротивился опредѣленію Спарѣйшинъ Іудѣйскихъ — не отринувъ жены своей, — и осужденъ былъ на отлученіе отъ Олшаря и служенія въ Храмѣ. Можешь быть любовь къ добродѣтелямъ жены своей заставила его рѣшиться на такой противузаконный поступокъ; — но то извѣстно, что Саннебаллатъ теснѣ его всѣми мѣрами подкрѣплялъ въ упорствѣ, — обѣщавъ соорудить въ Самарїи храмъ подобный Іерусалимскому, — а его тамъ здѣлать Первосвященникомъ. Манассїа измѣнилъ и вѣрѣ отцовъ своихъ, и опечеству; Саннебаллатъ точно изпросилъ у Александра Великаго позволеніе построить храмъ и построилъ его на горѣ Гаризимѣ съ такимъ великолѣпїемъ, — что, по свидѣтельствѣ Іосифа Флавїя, (Древн. кн. 2-й гл. послѣд.) сей храмъ

точно не уступалъ Иерусалимскому въ славѣ чрезъ долгое время. Манассія тамъ былъ Первосвященникомъ и старался привлечь къ себѣ всѣхъ тѣхъ Іудѣевъ, — кои либо долгами, либо несчастіемъ, либо страхомъ чрезмѣрной строгости въ Законѣ, либо инымъ чѣмъ нибудь принуждаемы были оставлять Иерусалимъ. Онъ разсѣвалъ вездѣ слухи, что будто сей новый храмъ превосходитъ въ святости Иерусалимскій, будто Богъ избралъ мѣстомъ для всенароднаго Ему поклоненія гору Гаризимъ, а не Сіонъ. Итакъ слава сего храма, слухи разпускаемые Манассіею, средства употребляемые имъ къ отпорженію Іудѣевъ отъ царства своего — всё дѣлало ненависть между Іудѣевъ и Самарянъ непримиримою! — Манассія послѣ раскаялся, какъ можно видѣть изъ молищны его прилагаемой въ концѣ второй книги Паралипоменонъ, — и былъ прощенъ; но зла имъ причиненнаго, но ненависти имъ увеличенной поправить никакъ уже не могъ.

„Наконецъ послѣднюю и важнѣйшую причину сей ненависти было посланіе

Самарянъ къ Антіоху Эпифану, который ужаснѣйшимъ образомъ гналъ Іудѣвъ за ихъ отечественную вѣру. Начало сего посланія сподъ низкую содержитъ въ себѣ лестъ, что Самаряне Богомъ Антіоха назваъ не устыдились; потомъ торжественно объявляютъ о себѣ: что они ни въ разсужденіи произхожденія ни въ разсужденіи закона съ Іудѣями никакой связи не имѣють; что будто предки ихъ, по какому-то несчастію ушедшіе изъ Сидона издѣсь поселившіеся, изъ одного только безъ всякой мысли подражанія сосѣдамъ приняли Іудѣйскій праздникъ Субботою называемый; что они имѣють на горѣ Гаризимѣ храмъ — посвященный *богу невѣдомою* (*) и въ немъ жертвы свои совершаютъ. Итакъ — просятъ они Антіоха, — что бы храмъ сей, неознаменованный именемъ никакого бога, позволилъ онъ посвятить и украсить именемъ Юпитера Греческаго. (Іос. Флав. древн. кн. XII гл. 7.) Таковое посланіе писанное въ то время, — когда Іудѣи же-

(*) Въ прошивуположность надписанію надъ дверьми Храма Іерусалимскаго: вѣдомъ во Іудѣи Богъ. Примѣч. Соч.

сточайшія и безъ того за свой законъ перепѣвали отъ Эпифана гоненія, — конечно должно было возбудить въ Іудѣяхъ сильнѣйшую злобу къ Самарянамъ; и память сей обиды, будучи глубоко напечатлѣна въ сердцахъ ихъ, во всѣ послѣдующія времена пребывала свѣжа и неизгладима.

„Образъ жизни и таковыя поступки Самарянъ, произведшіе къ нимъ отвращеніе въ Іудѣяхъ, сдѣлали самое имя ихъ ненавистнѣйшимъ для сихъ: за величайшее злословіе почиталось, еслии кто Іудѣя называлъ Самаряниномъ и названный симъ именемъ въ ссорѣ доходилъ до бѣшенства; ибо одно сѣ имя уже составляло какъ бы улику или укоризну въ пьянствѣ, въ нечистотѣ, въ отступленіи отъ истинной вѣры, въ коварствѣ, въ клятвеннопреступленіи, въ злобѣ, въ идолослуженіи и другихъ порокахъ и преступленіяхъ. Такимъ образомъ Іудѣи въ неистовомъ буйствѣ своемъ неоднократно и Святѣйшаго Господа Іисуса Самаряниномъ и бѣса имущимъ называли. — Съ другой стороны Самаряне съ шѣмъ же неистовствомъ

ческая задача; но многоразличное употребленіе и превращеніе сей задачи разпространило предѣлы *Перспективы* и поставило её справедливо на степень особенной науки.

Перспектива составляетъ важнѣйшую часть Рисовальнаго искусства и вообще Живописи; ибо живописецъ не можетъ отступить отъ правилъ сей науки безъ того, чтобъ опытной глазъ не усмотрѣлъ пошчасъ въ картинѣ его погрѣшностей противъ натуры изображаемыхъ предметовъ. Если справедливо, что большая часть живописцевъ не имѣетъ основательныхъ познаній о правилахъ *Перспективы*; то долговременный навыкъ, или привычка, которую онѣмъ замѣняетъ нѣтъ, не можетъ замѣнить науки. При томъ самыя ошибки Живописи, происходящія отъ неумѣнья, незначительны, и не вредны.

гее
вѣр.
мѣшов
шурной

А чп
тивныхъ в
вописца во
въ этомъ мож
что намъ не с
нахъ часто съ
съ великою мь
пеніемъ и разм
не случилось б
такихъ картина
частями по Ана
по натурѣ положе
нїи, — которое у
представляется
щеніемъ: чѣмъ с
чѣмъ слышеніе
тѣмъ, говорятъ,

аго
пред-
вели-
водства
авить по
удно и поч-
ряю: чѣмъ
После того
не нужно ему
обширѣйшихъ
только первая
случай, к и онъ
воимъ произведе-
совершенный раз-
уками (всѣми вѣка-
) затрудняетъ успѣ-
не допускаетъ ихъ
щему насъ въ про-
рѣза и Вернема со-
е Живописи есть
- Явленія природы:

каковы на примѣръ видимое возвышеніе морской поверхности или долины, пониженіе отдаленной части плафона, кажущееся взаимное сближеніе отдаленныхъ краевъ аллеи и проч., будучи замѣчены внимательными художниками, безъ сомнѣнія послужили имъ первыми образцами для подражанія видимой природѣ, — хотя явленія сіи и не были объяснены какими нибудь общими правилами. Такимъ образомъ здѣсь, такъ какъ и въ изящныхъ наукахъ, образцы были прежде — нежели правила. Но духу Геометровъ предоставлено изслѣдовать причины таковыхъ явленій, составить правила, — по которымъ бы художникъ могъ подражать натурѣ съ совершенною точностію и угадывать напередъ, — какой видъ будетъ имѣть его картина.

Въ Греціи, гдѣ положены были первыя основанія всѣхъ открытій, усовершенствованіемъ которыхъ прославилось 18 столѣтіе, — въ Греціи *Перспектива* на ряду съ Живописью возведена была до той степени совершенства, на которой мы ее видимъ нынѣ. Въ щастливый

вѣкъ Перикла театръ Греческій бли-
стала сполько же со стороны изящныхъ
Художествъ, сколько и со стороны Поэ-
зіи: тогда Эсхиль — законодатель Гре-
скаго театра — безсмертными шворенія-
ми своими восхищала чувствительныхъ,
образованныхъ Аѳинянъ; а Агапѣрхъ ху-
дожникъ Аѳинскій прельщала взоры ихъ
изящностію своихъ декорацій. 1) Демок-
ритъ и Анаксагоръ написали правила
сего искусства; но время и варварство
изтребили сїи памятники древности вмѣ-
стѣ съ другими, — и мы можемъ только
основывать достовѣренность нашу о ихъ су-
щесггвованіи на свидѣтельствѣ Витрувія 2).
Между тѣмъ нѣкоторыя древнія картины и
медали, по сггченію щастливыхъ обстоя-
тельствъ, дошли до нашихъ временъ и сви-
дѣтельствуютъ: что Греческіе художники
тщательно старались сохранить въ точ-
ности надлежащее отдаленіе и уменьше-
ніе предмѣшовъ по правиламъ *Перспек-
тивы*. 3) Философъ Аѳинскій Платонъ въ

1) Vitruvius in proëmio libri VII.

2) Тамъ же.

3) Въ Римѣ въ Pala's Aldobrandini есть или покрай-
нѣйшѣе была картина, называемая бракъ А л ь д о б -

сочиненіяхъ своихъ оставилъ намъ ясное описаніе правилъ *Перспективы*; 1) гдѣ можно видѣть, — что сіи правила точно были таковы же, каковы наши. Однакожъ *Перспектива* въ сіе время была, такъ сказать, общенностью не многихъ только художниковъ; ибо между великимъ множествомъ Греческимъ живописцевъ едвали найдется пять человѣкъ, которые бы обращали вниманіе при своихъ работахъ на сію необходимую часть Живописи. — 2)

Римское просвѣщеніе во многихъ отношеніяхъ можно назвать отпѣчаткомъ Греческаго. Когда, послѣ непрерывныхъ

рандискій, — которую Плиній приписываетъ Греческому живописцу Эхіону, жившему за 350 лѣтъ до Р. Х. Въ сей картинѣ художникъ изобразилъ между прочимъ жертвенникъ, кроватъ и полъ по правиламъ Перспективы съ величайшею точностію. — Въ книгѣ *admiranda veteris Sculpturae vestigia* на стр. 78 представлено древній барельефъ, изображающій зданіе во всемъ совершенствѣ Перспективы.

- 1) Tom. 1. pag. 235 et de republica tom 2 pag. 598.
- 2) О семъ можно видѣть въ книгѣ: Francisci Junii F. F. de pictura veterum. Amsterodami 1694.

побѣдъ и завоеваній, насталь для Римлянъ вѣкъ роскоши и слѣдовательно вкуса; тогда — гдѣ Римское юношество получало свое гражданское воспитаніе? — Въ Греціи. — Кому Римскіе Стихотворцы, Орапоры и драматическіе писатели старались подражать въ своихъ твореніяхъ? Грекамъ. Какія произведенія Художествъ служили первыми образцами для Римскихъ художниковъ? Греческія. Такимъ образомъ и *Перспектива* вмѣстѣ съ образованіемъ театра, какъ бы по наслѣдству, перешла отъ Грековъ къ Римлянамъ почти за (*) 400 лѣтъ до Р. Х. И здѣсь, по свидѣтельству Плинія, Живописное искусство по части *Перспективы* приобрѣло себѣ величайшую славу: на театрѣ Клаудія Пульхра декораций были написаны съ такимъ искусствомъ, что птицы обманывались изображеніемъ крышекъ на зданіяхъ и прилѣтали садиться на оныя 1). Въ Триллахъ —

1) Plinius lib. XXXV cap. 4. Habuit scena ludis Claudii Pulchri magnam admirationem picturae, quum ad tegularum similitudinem corvi decepti imagine advolarint. —

(*) Число лѣтъ кажется не вѣрно; но мы не осмѣлялись перемѣнить его безъ согласія Автора. Примѣч. Изд.

Лидійскомъ городѣ — Апатурій, Алабадейкѣй художникъ, писалъ декораціи съ такимъ совершенствомъ *Перспективы*, — что частіи изображенныхъ имъ зданій казались дѣйствительно выдающимися и совершенно обманывали зрѣніе. 1).

Современнѣ упадка въ просвѣщеніи до XVI. столѣтія нельзя ничего сказать о *Перспективѣ*; ибо она въ сей мрачный промежутокъ времени имѣла общій удѣлъ съ прочими художествами и науками. Но въ концѣ XV вѣка сія часть Живописнаго искусства, будучи такъ сказать вновь изобрѣтена, начала возходить на прежнюю степень своего совершенства. — Балпазаръ Перюцци 2) возобновилъ древнихъ театралныхъ украшеній и славный Альбертъ Дюреръ — современники Рафаэля

1) Vitruvius in proëmio libri VII, cap. V pag. 137.

2) Балпазаръ Перюцци написалъ превосходныя декораціи для Комедіи Каландры, сочиненной Кардиналомъ Бибіеною, — который почитается въ числѣ возстановителей театра. Сей Кардиналъ жилъ при Львѣ X. Но это не пошль Бибіена, который писалъ о *Перспективѣ*. —

Санціо 1), прославились кистію своею въ сей части Живописи; а послѣдній изъ нихъ написалъ и правила *Перспективы*, изданныя имъ въ 1525 году. — Съ сего времени множество Художниковъ и Математиковъ занимались усовершенствованіемъ правилъ сей науки, — изъ коихъ извѣстнѣйшіе суть: Пьетро дель Борго 2) Гвидо Убальди, Леонъ Баптистъ Алберти, Себастьянъ Серліо, Пьетро Лонго, Винчіоль, Кузень, Дешаль и Лами. Но еслии правила *Перспективы* приведены нынѣ въ совершенную ясность и точность; по всемъ симъ обязаны мы особенно Гравезанду 3)

-
- 1) Самъ Рафаэль, — приобрѣтя основательныя познанія правилъ Перспективы отъ учителя своего Петра Перугино и родственника своего Браманти — славнаго Архитектора, — обучалъ Перспективѣ Юлія Романа и Баршелеми. —
 - 2) Пьетро дель Борго написалъ, какъ увѣряетъ Игнатій Данте, 3 книги о Перспективѣ; но онѣ нынѣ не существуютъ.
 - 3) *Essai de Perspective par J. Gravesande. Amsterdam 1711 и 1744.*

и Тейлору 1), которыми изданы въ свѣтъ
лучшія сочиненія по сей части (*).

Смоленскъ.

Иванъ Дзячковъ.

1) New principles of linear Perspective. Brook Taylor. London. 1719 et 1749. Лучшій Французскій переводъ сего сочиненія — есть изданный въ Лионѣ 1753.

(*) Сія спашья—есть предисловіе или введеніе къ новой книгѣ о Перспективѣ, которая не напечатана еще. Глубокія познанія Автора во многихъ частяхъ наукъ, дарованія носящія на себѣ оппечатокъ Генія и сильнѣйшая любовь къ занятіямъ ручаются за то, — что публика Россійская увидитъ въ сей новой книгѣ не поверхностное или безъ толку сширое изъ разныхъ мѣстъ чужихъ сочиненіе; — а полезное и основательное отккрытіе для пользы наукъ. Жаль только, что доспадокъ Автора можетъ быть еще не скоро позволить ему выдать въ свѣтъ свое сочиненіе; — почему и желательно, что бы любители наукъ надѣленные доспадкою способствовали сему изданію для пользы Россіи. Желаніе сіе основано на примѣрахъ, — что много полезныхъ книгъ написанныхъ небогатыми Авторами, выдано богатыми покровителями наукъ, приобретающими чрезъ то себѣ и благодарность, и славу. Примѣч. Издат.

II. ЖИВОПИСНАЯ ПРОЗА.

Валковское кладбище.

O curas hominum ! Quantum est in rebus inane !
Catul.

Городъ Валки представляетъ взорамъ прелестный видъ красоты, изобилія и сельскихъ удовольствій. Тамъ нѣтъ великолѣпныхъ картинъ — вынуждающихъ удивленіе, — нѣтъ ошмѣно живописныхъ мѣстъ — приводящихъ душу въ восхищеніе; но всѣ красоты, совокупно щедрою рукою природы изліянныя на окрестности сего города, вливаютьъ въ сердце какое то сладостное чувство, — которое труднѣе изобразить, нежели чувствовать. Особливо около села Соф. гдѣ лежитъ почтенный прахъ Н. М. К. . . . и его супруги Е. С. . . . ; также по дорогѣ въ Р. . . . гдѣ нѣкогда жила К. М. К. . . . рѣдкій образецъ супругъ и матерей: память ихъ и поднесъ возбуждаетъ истинное и живѣйшее сожалѣніе у шѣхъ, кои знаютъ ихъ имѣли щасіе.

Лучшее украшеніе прекрасныхъ и мирныхъ Валоковь составляютъ Н. А. Р.... мужъ достойный уваженія, щастливый отецъ семейства, — и Протоіерей отецъ В. С. . . . кропкій служитель церкви, ревностный и краснорѣчивый проповѣдникъ слова Божія, неутомимо побуждающій слушателей къ благочестію правиломъ и примѣромъ: онъ по справедливости достоинъ имени Валковскаго Масильёна. Да не оскорбится его христіанское смиреніе симъ названіемъ! я увлекаюсь невольнымъ движеніемъ сердца и считаю себя обязаннымъ платить непри- творную дань должной ему благодарности за ту неоцѣненную пользу, которую я почерпнулъ изъ его поучительныхъ проповѣдей, — равно какъ и изъ долговременнаго съ нимъ обращенія моего.

Всѣ вообще превозносятся хвалами славную Лорренову картину, изображающую веселыя пляски щастливыхъ поселянъ; — и другую картину Пуссеня, представляющую могилу сельскаго жителя съ сими выразительными словами: *и я нѣкогда жилъ въ щастливой Аркадіи!!*

Такъ-то лучшія удовольствія краткой нашей жизни заимствуютъ новую степень силы и достоинства отъ противоположностей, составляющихъ удивительную гармонію вселенныя! . . . Во время моего жительства въ Валкахъ я охотно посѣщалъ тамошнее кладбище, имѣющее пріятнѣйшее мѣстоположеніе; болѣе же всего влекло меня туда то, что изъ сей обители смерти и тлѣнія можно весьма удобно обнять взоромъ вдругъ все пространство каршинъ, придающихъ городу столь прелестный видъ, — когда солнце восходитъ или заходитъ, при очаровательномъ смѣшеніи тѣней со свѣтомъ. Мы съ великимъ иждивеніемъ посѣщаемъ мѣста, споспѣшествующія къ исцѣленію тѣлесныхъ нашихъ недуговъ; — почтожь спрашиваться тѣхъ, кои даромъ служатъ къ уврачеванію душевныхъ болѣзней и сердечныхъ скорбей? Изъ-подъ надгробныхъ камней выходитъ какой-то спасительный и утѣшительный голосъ, громко вѣщающій размышляющему: здѣсь лежатъ тебѣ подобные; ихъ путь на земли уже свершенъ; они безпокоились и спрадали, по-

добно тебѣ; смерть подняла завѣсу между ими и свѣтомъ, — они заснули — и наслаждаются вѣчнымъ спокойствіемъ; — и теперь только исполнились всѣ надежды человеческого сердца ничѣмъ ненасыщаемого! Добродѣтель оправдана и награждена, *Гробъ есть памятникъ поставленный на рубежахъ двухъ міровъ* — какъ сказала нѣкто; я прибавляю: онъ есть путь къ желаемому всѣми вѣчному блаженству.

Въ проѣздѣ мой чрезъ Валки по окончаніи путешествія по Крымскому полуострову съ покойнымъ Д. М. К. . . , потомъ по возвращеніи въ Харьковъ изъ Херсона и Екатеринославля, — Валковское кладбище не было мною забыто. . . . и, по причинѣ продолжительнаго отсутствія, я считалъ первую обязанностію — посетить любимое мѣсто съ тѣмъ, чтобы отдать послѣдній долгъ праху умершихъ знакомыхъ моихъ обоего пола. Уже склонялось солнце къ западу и торжественное безмолвіе царствовало повсюду вокругъ меня; оно скоро настроило мой умъ къ важнымъ размышленіямъ. Ходивши

долго между гробами и занявшись чтеніемъ надписей, не безъ тяжкихъ вздоховъ времяемъ вылетавшихъ изъ стѣсненной груди, я съ почтеніемъ остановился при могилѣ честнаго и безкорыстнаго судьи В. М. . . скова; вспомнилъ Филемона и Бавкиду • нашедши мѣсто, гдѣ покоятся Ф. . . Ф. . и М. В. Тарновскіе;—они, можетъ быть, были еще щастливѣе упоминаемыхъ въ мифологіи: у нихъ были дѣти,—а благонравные дѣти суть небесный даръ и лучшее Божіе благословеніе! Наконецъ утомившись сѣлъ я подъ сѣнью цвѣтущихъ деревъ, дабы пользоваться приятною прохладою шихаго вечера послѣ знойнаго дня. При выборѣ мѣста отдохновенія просто слѣдовалъ я влеченію сердца. . . . и очутился между гробами трехъ чужеземныхъ приятелей Ив. Ив. Айкова, Ив. Ив. Шпигельберга и Ив. Ив. Титаря. При видѣ деревъ, которыя прежде видѣлъ я небольшими отростками, поражаюсь внезапною мыслію о быстромъ теченіи времени и произношу горестно: какъ приятны дни наши проведенные подъ заботливою защитою добрыхъ и нѣжныхъ

родителей! Но какъ и кратковременно
сѣе блаженство! Едва земнородные успѣ-
ютъ узнать другъ друга, едва они сое-
динятся священными узами родства и
дружества, — какъ непредвидимыя и не-
измѣняемыя опредѣленія Судьбы ихъ раз-
лучаютъ! Увы, вся жизнь наша есть не
что иное, какъ скоротечный день и вре-
мя щастія, время невинныхъ забавъ въ
юности — одно только прекрасное май-
ское утро! Но наша жизнь, по видимому,
такъ устроена, — что бы намъ до по-
слѣдняго издыханія всегда находиться
между воспоминаніями и надеждою
Всѣ должны платить дань несовершенству
человѣческой природы: поелику мы всѣ
составлены изъ одинакаго вещества и
нѣтъ совершенно здѣсь щастливыхъ! Нѣтъ
такого, которой бы не былъ обманутъ
очаровательною надеждою, блестящими
мечтами будущности. Въ пятьдесятъ
лѣтъ моей жизни я не зналъ человѣка, ко-
торого бы не снѣдалакая нибудь тайная
скорбь. . . И всѣ сѣ знакомые мнѣ здѣсь
покоющіяся, можетъ, были еще щастливѣ-
шѣхъ, — у коихъ они вовремя жизни снѣ-

скивали благосклонную улыбку. Подобно измѣненіямъ годовыхъ времянь — радость и печаль, щастіе и несчастіе вѣчно сопряжены будущъ съ нашимъ существомъ. Но мы никогда не осиротѣемъ, опираясь на незыблемыхъ столпахъ божественной Религій. — Какое непостижимое сцѣпленіе случаевъ и превращеностей привело сихъ трехъ иностранцевъ — Грузинца, Нѣмца и Француза въ Валки, гдѣ кончилось ихъ странствованіе по свѣту? Они, извѣстно мнѣ, часто пили изъ горькой чаши несчастія; но и щастіе нерѣдко имъ благоприятствовало, когда уживались они съ посредственностію, когда бывали малымъ довольны по совѣту Религій для всѣхъ благодѣтельной. Всѣхъ болѣе страдалъ Ив. Ив. Гитаръ, — родившійся подъ прекраснымъ небомъ Лангедока, въ нѣдрахъ религій всегда угнѣщенной, — а иногда гонимой во Франціи. Однакожь онъ чшилъ и любилъ отечество; и сей добродушный старикъ часто проливалъ слезы умиленія, говоря со мною о щастіи Франціи — Генрикѣ IV, о добродѣтельномъ Сюлли, о божественномъ Фенелонѣ, о славныхъ

полководцахъ Тюрень, Капинаѣ и Дюке-
нѣ. Онъ встрѣтилъ смерть съ спокой-
нымъ лицомъ честнаго человѣка и гова-
ривалъ часто о семъ для многихъ столь
страшномъ мгновеніи, какъ о приятномъ
переселеніи весною изъ города въ дерев-
ню.—Горе тому нечувствительному, кото-
рый не любитъ добраго и честнаго чуже-
земца! Безжалостное сердце того вѣрно
не внимало никогда гласу природы и че-
ловѣчества Оно никогда нечувство-
вало силы словъ, начертанныхъ рукою
Бого-вдохновеннаго Еврейскаго Законода-
теля: *помяните Израильтяне, что и вы
иногда были странниками въ землѣ чуж-
дой*. Человѣкъ општоргнуый изъ предѣловъ
любезной отчизны, изъ обаяній родныхъ
и друзей, — чувствительный человѣкъ
можетъ по справедливости, достигнувъ
вечера бурной и превратной жизни, въ уми-
леніи сказать съ патриархомъ Іаковомъ —
малы и злы быша днѣ мои!—Какъ мож-
но не чувствовать привязанности къ мѣ-
стамъ, бывшимъ свидѣтелями нашихъ за-
бавъ и удовольствій? Но изъ всѣхъ мѣстъ
приятнѣйшее есть то, гдѣ мы родились и

блаженствовали; гдѣ мы попеременно переходили изъ объятій нѣжной матери въ объятія чадолюбиваго отца; гдѣ постепенно развивались наши способности; гдѣ слышно было первое лепетаніе благодарности, первые вздохи непорочной любви и первыя взаимныя изъясненія двухъ сердець, сопряженныхъ узами священно-го дружества — сего небеснаго чувствованія, дарованнаго человѣку для его утѣшенія и оправды!! Глубокое чувство любви къ отечеству не подвержено измѣненіямъ климатовъ и равно ощущается всѣми многоразличными народами, съ тою только разницею, — что сія потребность человѣческаго сердца сильнѣе обнаруживается у непросвѣщенныхъ, нежели у просвѣщенныхъ: у первыхъ сила воспианія, привычекъ и политическихъ отношеній не ослабляетъ могущества природы. Свидѣтельствуюсь тобой, чувствительный Омагишанинъ — добрый Потавери! наслаждавшійся долго подъ роскошною тѣнью отечественныхъ деревьевъ всѣми дарами и благами природы!! Блескъ ложныхъ и скукою выдуманныхъ удовольствій среди

сластолюбиваго Парижа не могъ затмить въ твоихъ глазахъ сѣня Отагитскаго солнца; ты скоро обшекъ тѣсный кругъ искусственныхъ забавъ, скоро чадъ исчезъ вскружившій было тебѣ голову; — сѣшваніе, уныніе и тоска скоро овладѣли тобою и осталась лишь одна пустава въ сердцѣ! . . . Но при видѣ хлѣбнаго дерева, растущаго въ Отагитѣ, гдѣ текли мирно шастливые дни твоей молодости, — сладостныя воспоминанія пробудились въ душѣ твоей; природа изъяснилась твоими устами, когда обнявъ крѣпко священное опечествленное дерево, ты въ неизъяснимомъ восторгѣ вскричалъ: *это Отагити! это Отагити* — и смотрѣлъ при томъ съ равнодушїемъ на рѣдкія произрастѣнія четырехъ частей свѣта! ! Въ чьемъ сердцѣ не отзываются твои слова? . . . Ими украшаешься *Поэма о садахъ*. — Подобно приятнымъ снамъ, лешающимъ по поверхности души и ничего въ ней не оставляющимъ при пробужденіи, ложныя удовольствія истребились бы совершенно изъ памяти безъ скуки и раскаянія, — кои онѣ по себѣ оставляють. Не забуду и

вашъ примѣръ, неиспорченные чада Севера — добрые Лапландцы! Вы умерли отъ скуки, зноя, шомленія и шоски по холодномъ отечествѣ въ очаровательныхъ и благовоинныхъ рощахъ Шанпильскаго дворца! — И наконецъ вами, Гренландцы при Дацкомъ дворѣ! вами, свидѣтельствуюсь, — кои даже не убоялись подвергнуть жизнь свою неминуемой гибѣли въ волнахъ моря, чтобъ еще разъ цѣловать замерзшій берегъ отечества противъ воли вами оставленнаго. Вотъ примѣры неоспоримо доказывающіе, что отечественная страна никакой другой не можетъ быть замѣнена! — Мы вообще любимъ отечество не по одному отношенію къ красотамъ природы; но по воспоминанію о блаженномъ времени невинности, радости и щасія. Мысль о первомъ союзѣ любви и дружбы придаетъ отечеству неизъяснимую прелесть и приносить сладостное утѣшеніе на всю жизнь. . . . Подобно изображеніямъ, кои ликари дѣлаютъ неизладимыми на человѣческомъ плѣтѣ посредствомъ накалыванія и напиранія краскою, любовь къ отечеству у каждаго не

безнравственнаго человѣка пребудеть всегда послѣднимъ чувствомъ въ сердцѣ. . . .

. . . . Et dulces moriens reminiscitur Argos!
Щастливъ тотъ, кто никогда не оставлялъ отечества! Заступъ для обрабатыванія отцовскаго наслѣдія принесетъ ему болѣе пользы, наслажденія и утѣшенія, — нежели страннической посохъ и рассказыванія о путешествіяхъ!

Между тѣмъ, солнце закатилось. . . .
Такъ нѣкогда спустится завѣса между нами и свѣтомъ! Каждая минута есть вѣстникъ той вѣчной разлуки, которая сокроетъ вселенную отъ глазъ нашихъ! Каждая минута можетъ быть и послѣднею. Простите добрые иностранцы! простите прочіе знакомѣ! Нѣкогда прервется вашъ сонъ и мы паки увидимся за предѣлами гроба въ лучшемъ мірѣ: мы не сотворены для ничтожества! Сей безпокойный день, который мы называемъ жизнію, при величайшемъ благополучіи не можетъ удовлетворить желаніямъ сердца, — жаждущаго вѣчнаго блаженства; и можно ли крушиться съ такимъ мученіемъ о мечтахъ, о ложныхъ и часто опа-

сныхъ удовольствїяхъ, о томъ — что насъ оставляетъ еще прежде смерти, — можно, говорю, крушиться о семъ, не унижая достоинствъ своего разума? Святая и божественная Религїя! Горе тому, который дерзаетъ тебя почитать химерою! Ты утѣшаешь добродѣтельнаго человѣка отъ колыбѣли до самаго гроба; — и какъ не страшна смерть, — когда мы умираемъ съ чистою совѣстію, въ объятїяхъ утѣшительной Религїи, въ совершенномъ упованїи на милосердіе Творца! — Но тамъ приятнѣе и смерть, гдѣ мы на свѣтъ родились. Гдѣжъ конецъ моимъ странствованїямъ? Достигнули я тебя, Швейцарїя — страна родимая! чтобъ положить въ тебѣ на вѣчное успокоенїе бременный составъ мой? И отъ тебя ли возпаритъ духъ мой — шуда? —

Иванъ Вернетъ.

*Бугаевка,
28 Апрѣля 1816.*

Не у
не остав.
сего, у
ствіемъ!
улыбки
твоихъ
ихъ,
образ
бою.

Е
неви
спи

мои
ко м
ми ю
спле
біозъ
ру

и

о порхаешь
шь ли сор-
о растѣнія
чающій?...
иво, кото-
ь! Сколь
ь, кото-
лудшієся
ногами
тисся —
Ми-
жу не-
улы-
пвор-
про-
кро-
тисся
— я
аобь
укра-

Буря.

(Изъ Бартелеми).

Вдали на горизонтѣ носились жаркіе и мрачные пары; солнце начинало блѣднѣть; поверхность воды — гладкая и неподвижная — покрывалась печальными цвѣтами, коихъ опливы перемѣнялись безпрестанно. Уже небо со всѣхъ сторонъ представляло нашимъ взорамъ только мрачный сводъ, проникаемый изрѣдка багряными полосами — и тягостѣйшій надъ землею. Вся природа была въ безмолвіи — въ нѣкоторомъ безпокойствѣ, переходившемъ во глубину душъ нашихъ. Мы искали убѣжища въ приговорѣ храма; — и вскорѣ увидѣли, — какъ громъ удвоенными ударами расшоргъ сѣю преграду между мракомъ и огнемъ, кои висѣли у насъ надъ головами; густыя облака громадами кашились по воздуху и падали въ потокахъ на землю; сорвавшіеся вихри пустились на море и возмутили его бездны. Все ревѣло — громъ, вѣтры, волны, пещеры, горы — и изъ всѣхъ сихъ ревовъ соединенныхъ составлялся ревъ ужасный, — который, казалось, возвѣ-

щаль разрушеніе вселенной. Сѣверный
вѣтръ удвоилъ усилія;—и буря перенесла
свою ярость въ жаркія страны Африки.
Мы слѣдовали глазами за нею; слышали,
какъ она ревѣла вдалекѣ;—небо заблестало
опять чистѣйшимъ свѣтомъ, — и море сіе,
коего пѣнящіеся валы воздымались до обла-
ковъ, едва кашило свои волны къ берегу.

Гл. Шумлянская.

III. ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

Мысли и замѣчанія.

Щастье въ нашей жизни и несчастье происходятъ всегда почти отъ ничего незначащихъ случаевъ; и даже очень часто причиною ихъ бываетъ одно, безъ всякаго худаго намѣренія, сказанное слово. Сколько можно найти примѣровъ, что человѣкъ совершенно съ невиннымъ и иногда съ добрымъ намѣреніемъ — но только не обдуманно — скажетъ слово и губитъ себя, лишается спокойствія на цѣлую жизнь, навлекаетъ на себя всѣ неприятности, оспадается виновнымъ ежели не предъ свѣтомъ — такъ противъ совѣсти своей; — а это тягостнѣе всего! О если бы мы не забывали правила въ дѣйствіи намъ твердаго, — что не прежде должно сказать слово, пока его хорошенько обдумаешь! — Слѣдуя сему, мы избавлялись бы много разъ отъ мучительнаго раскаянія въ здѣшней и ожидаемаго наказанія въ будущей жизни.

Г. К.

Деньги есть дѣло великое, святое; но люди не знаютъ имъ цѣны: трапятъ кучи золоша на то, — что бы ходить по многоцѣннымъ коврамъ, сидѣть на шпофахъ прикрывающихъ заморскія — дорогія цепки, услаждать вкусъ свой не вѣдомо какими ѣствами, угождать всѣмъ чувствамъ своимъ чудесными предметами. — О люди, люди! — Будьте людьми! будьте братьями людямъ, — приобретите довѣренность страждущаго, сыщите деньги для успокоенія несчастнаго; возвратите имя невинности клеветною похищенное; — обозрите вокругъ себя, вы окружены нуждающимися въ крупницахъ вонъ измешаемыхъ отъ роскошныхъ пировъ вашихъ, употребите деньги какъ должно и — истинно будете боготворить ихъ.

Г. К.

Модная слава не терпитъ справедливости разума: довольно если пять, или шесть извѣстныхъ вѣтренниковъ, — а лучше и того вѣтренницъ — утверждать достоинство вещи; тогда уже тысячи другихъ вѣтренныхъ машинъ, движимыхъ

первыми, будутъ рѣшительно говорить за нилли и дурное и хорошее — смотря по-тому куда потянетъ погода! Въ то время и самый величайшій разумъ не въ состоянїи будетъ открыть глазъ противъ дуновенія сихъ вѣтровъ! — Однакожь это вѣдь только до случая? — Согласенъ; но для чегожь мы жаждемъ и на случай подобной славы? —

М. к. р. въ.

Пронскъ.

24 Апрѣля 1816.

Случай жизни.

Недавно случилось мнѣ чистать въ приятельской бесѣдѣ одну книжку Вѣстника Европы 1809 года №: 9-й гдѣ помѣщено печатное произшествіе и послѣ него прекрасное замѣчаніе извѣстнѣйшаго Литератора нашего Ж. на то, — какъ иногда самыя благодѣянїя отъ безразсудности превращаются въ гибельныя злостворенїя. Не знаю, — произвели ли замѣчаніе въ комъ нибудь среди пространнаго Рускаго царства спасительное дѣйствіе, уменьшилось ли хотя однимъ число вредныхъ предраз-

судковъ на щетъ *любимцовъ и любимыхъ* (фаворитовъ и фаворитокъ); но нѣкоторые случаи жизни мною замѣченные заставили меня думать, — что Г. Ж. въ своемъ *замѣчаніи* обратилъ вниманіе не совсемъ на то, что бы всего больше порицать надлежало. — Онъ обвиняетъ безразсудность: за чѣмъ показывать цѣну блаженства, когда не возможно дославить имъ наслаждаться? за чѣмъ образовывать умъ, развивать таланты, раждать чувствительность къ изящному, — когда все сіе не есть удѣлъ того состоянія, въ которомъ кто поставленъ? Такъ! но жого винить, если образованіе свое совершилъ самъ человѣкъ *свободный* — и отъ сего сталъ несчастливъ? Неужели себя? неужели Промыслъ, — Который конечно назначилъ и цѣль нашему существованію — образованіе души и сердца? — Вотъ для сего разсужденія въ примѣръ одинъ *случай жизни*, который со всею точностію и безпристрастіемъ пересказанъ мнѣ приятелемъ, — и который по его прозвѣ изъ его же записокъ составленъ и приведенъ только мною въ порядокъ.

что не очень будешь богатъ со стороны твоего образованія, когда решишься жить. Но — ты вѣрно не сомнѣваешься въ этомъ и я говорю тебѣ съ увѣренностію, что отъ меня и повтореніе твоихъ чувствъ выслушаешь безъ скуки. — И такъ — ты долженъ вступить въ свѣтъ, — въ этомъ мыслители. Но важнѣйшій вопросъ остается не решенъ еще: какъ тебѣ выйти изъ твоего состоянія? гдѣпустишься надежнѣе въ это пространное море — свѣтъ? какія взять предосторожности, что бы при самомъ берегу не потерпѣть кораблекрушенія? Аллегоріи тебѣ извѣстны по реторикѣ и я не боюсь, — что ты не поймешь меня, или посмѣешься моей суешности. А вопросъ рѣшить трудно! я имѣю довѣренность и цѣну себѣ у твоего начальства; но моя прозба и даже ихъ на это воля для сего недостаточны. Надобно просить Синода; — но ты не имѣешь справедливыхъ причинъ, а лгашь тебѣ на свое здоровье никогда не совѣтую. Пусть другіе думаютъ, будто позволено употреблять средства зла для достиженія добра; но ты еще для сего

молодъ и *можетъ быть* будешь только нѣкогда самъ въ состоянїи судить глабокомысленнѣе о добрѣ и злѣ; только никакъ не теперь. Отъ души желаю — и право не нахожу средствъ перемѣнить тебѣ состоянїе! . . . А давно ли посыла ны отъ васъ въ М. А. или въ П. И. студенты? — Въ первую прошедшаго, а во второй четвертый годъ уже. — Стало бытъ и въ нынѣшнїй опять потребуешь въ И? — Слышно. — Такъ вотъ и все кончилось наше недоуменїе; объявляй первый труда желанїе и спускай съ Богомъ въ новой путь для себя. Не думай однакожь, чѣмъ уже ты и получишь все, чего желаешь только надобно; нѣтъ, — ты можешь быть не больше, какъ перемѣнишь только состоянїе. . . . Но вотъ выгоды: ты, не прогаясь съ мѣста, пропутешествуешь покрайнѣй мѣрѣ 20 губерній Россїи, Малороссїи и Польши. Ты узнаешь множество характеровъ въ людяхъ, множество обычаевъ, образовъ жизни и много уже приобрѣтешь для себя необходимаго при выборѣ твоей щастливой жизни. Ты увидишь Петербургъ — столицу свѣта,

гдѣ науки и искусства сосредоточены; почувствуешь вкусъ къ нимъ, испытывая ихъ самъ и смотря на нихъ; ты узнаешь многое, что для тебя необходимо; ты испытаешь или покрайнѣй мѣрѣ увидишь надъ другими: что значишь жить въ свѣтѣ, кто тамъ плаваетъ безбѣдно и кто или безпрестанно погружается въ волнахъ его, или даже погибаетъ?—Желаю тебѣ быть зрителемъ только всего эшаго, откуда ты заплашишь шестью годами Правительству за содержаніе и попеченіе о твоёмъ образованіи. А тамъ — ты или учителемъ останешься доволенъ и благополученъ на всю жизнь, или перемѣнишь опять состояніе. Я далеко тебѣ показалъ путь; — но незнаю, пойдешь ли ты по немъ такъ далеко? или Провиденіе лучше расположить для тебя его, нежели ограниченный человѣкъ располагаетъ? . . . Короче и справедливѣе, тебѣ надобно ѣхать въ Петербургъ, вѣрнѣе совершенно Промыслу и отъ него всего надѣяться лучшаго. Вотъ мой совѣтъ тебѣ!,, —

И Лѣодоръ, скрывъ глубоко въ сердцѣ своемъ совѣтъ сей, пошелъ съ рѣшительностію домой; не долго ждалъ случая ѣхать въ Петербургъ и здѣлался тамъ студентомъ П. И. —

Съ самыхъ первыхъ лѣтъ дѣйства мы назвались друзьями съ Лѣодоромъ, жили вмѣстѣ и прямо душа въ душу, разлучались ненадолго и опять соединялись; съ лѣтами усиливалась и улучшалась наша пріязнъ: мы не то, уже любили въ 18 лѣтъ, что въ 10 въ 15, но все любили вмѣстѣ и одинаково. Загедъ передъ отъѣздомъ Лѣодора приобрели мы въ союзъ дружбы третьяго — Ипполита и счастье наше возросло. Лѣодоръ былъ пылокъ и безъ всякаго увеличенія весьма — даже слишкомъ чувствителенъ; Ипполитъ хладнокровенъ, разсудителенъ и однакожь нѣженъ. — Сколько въ самомъ дѣлѣ надѣялись мы себѣ въ будущемъ счастья отъ взаимнаго образованія, пріязни и дружбы! — Но Лѣодоръ уѣхалъ въ Петербургъ.

Безъ всякаго сомнѣнія тысяча увѣреній было при разстаніи нашей съ Лѣодоромъ, — чтобы онъ писалъ къ намъ и

училъ насъ провинціаловъ изъ столицы.—
Пять мѣсяцовъ однакожь пришло, поку-
да мы получили первое письмо его —
слѣдующее:., Здравствуйте, друзья мои,
здравствуйте! Здоровы ли вы, веселили?—
Извините, что я опоздалъ; признаюсь,
мнѣ не хотѣлось васъ потчивать — своей
горчицей. А чтобы писать о предмѣтахъ
занимательныхъ, или покрайней мѣрѣ ве-
селыхъ; для сего надобно имѣть спокой-
ный духъ и больше времени. Теперь ска-
жу вамъ: мы доѣхали благополучно. Толь-
ко во всю дорогу было ненастье и я ча-
сто думалъ: не таково ли то будетъ со-
стояніе души моей? — и угадалъ! Горь-
ко расстаться съ родиной, съ друзьями,—
этого мало: я попался въ другъ гдѣ го-
ворятъ только о чистосердечіи, дружбѣ,—
и этого мало! Я долженъ слушать суж-
денія *Философовъ* всѣхъ сектъ, долженъ
видѣть иногда послѣдователей Сибари-
товъ, любезныхъ братцевъ Бакханокъ!!
ахъ, друзья мои, еслибъ вы видѣли —
какъ въ уединеніи блѣдныя щоки мои го-
рятъ отъ слезъ!! — Но мы приняты всѣ
и шрутимъ уже казенный хлѣбъ. — Что

будеть съ нами — еще скрыто. Я получилъ ваши письма, какъ двѣ райскія вѣспочки. Вы меня удивили и вмѣстѣ разсмѣшили: забавники! вамъ странно кажется, — какъ смотря на столицу, на пышность, на театръ, на собранія искусствъ, на то на сѣ — можно быть пасмурнымъ, можно не восхищаться; — вы хотѣли бы лезть сюда. . . Э братцы! вблизи право увидите меньше занимательнаго; останьтесь лучше дома и только мечтайте, — лучше и жалѣть послѣ не будете. Самыя лучшія произведенія имѣютъ много опвражительнаго! — Мнѣ суждено испытывать; не завидуйте — о всемъ сообщу вамъ, — исключая то, чѣмъ заплачу я иногда за опыты и вы выиграете противъ меня. Теперь описываю вамъ только первыя начала моихъ мыслей, моихъ чувствъ и пишу какъ Лаконикъ; послѣ здѣлаюсь Аппликомъ. — Долго ждали вы письма отъ меня и я вижу какъ при взглядѣ на портретъ мой огонь блистаетъ въ глазахъ твоихъ, Эрасъ! какъ перелетаетъ онъ къ Ипполисту... но подписывайте скорѣе мировую со мной и до будущей почты простите,,

Такимъ образомъ переписывались мы два года; Лѣодоровы письма почто были для насъ школою, — онъ не таилъ чувствъ, мыслей, опытовъ своихъ. — Мы радовались его письмамъ, восхищались ими, иногда грустили вмѣстѣ съ нимъ. — и все служило къ нашей пользѣ. — Наконецъ чрезъ два года получили мы удѣшительное письмо: „Друзья мои! радуйтесь со мною — я ѣду къ вамъ. Въ Н. открылось мѣсто, — объявили о немъ и я первый подписалъ желаніе занять его. Меня убѣждали остаться здѣсь, общая тѣмъ выгода и очень вѣрныхъ; — я колебался было: но спросясь сердца укрѣпился, — оно сказала мнѣ, что съ вами только могу быть щасливъ. — Ты, Эрастъ, будешь со мною, — недостаетъ Ипполипа; но онъ будешь съ нами, невозможное должно збыться! — Это правда слишкомъ потеройски; но оракуль мое сердце. Здѣсь я научился мечтать, умъ мой парилъ весьма высоко; не знаю, когда онъ спанетъ дѣйствовать. — Но это все въ сторону; радуйтесь только со мною, я увижусь съ вами, поѣду съ тобою Эрастъ въ Н. — сколько

ко щастія! Чѣмъ больше писалъ бы я вамъ теперъ; тѣмъ бы меньше выразилъ чувствъ моихъ. Ишакъ простите до свиданія.,

Въ самомъ дѣлѣ въ Н. надлежало и мнѣ ѣхать по особенному случаю. Я дождался Ліодора изъ Петербурга и пустились вмѣстѣ по Волгѣ внизъ, не безъ слезъ сердечныхъ разставшись съ Ипполитомъ. —

Ліодоръ опредѣлился учителемъ; я жилъ вмѣстѣ съ нимъ приватно. Дни наши текли тихо и въ радости; вечера посвящаемы были прогулкамъ по Волгскому берегу и дружескимъ разговорамъ. Наступила вѣсна 1812 года; извѣстія о гибельной войнѣ скоро и до насъ достигли. Мы не восбражали нещастія готоваго нахлынуть на Россію, судя по прежней славѣ ея и могуществу, и веселили себя мечтами, — что будемъ героями на полѣ брани, есплы воззвать къ сынамъ своимъ Отечество. Но мечты сіи скоро превратились въ опасенія; а въ Августѣ, тысячи семействъ бѣжавшихъ отъ варвара изъ Москвы, опасенія здѣлали дѣйствительнымъ страхомъ — и произвели въ насъ рѣшимость вступить подъ знамена Отечества.

для служенія ему въ столь крайнихъ обстоятельствахъ. —

Одинъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ Губерніи Н. составилъ изъ крестьянъ своихъ полкъ; ему нужны были Офицеры или по крайнѣй мѣрѣ люди, которые могли бы скоро понять военную дисциплину и вести полкъ противъ непріятели. Лѣодоръ явился къ Гр. М., что бы быть Офицеромъ полку его. Не смотря на краткость времени всѣ почти жители города Н. знали Лѣодора за нравственнаго человека и слѣдовательно за дорогаго учителя; а потому и въ самой крайности Отечества не хотѣли его лишиться, просили Гр. М. не принимать его въ службу или уговорить, что бы онъ самъ оставилъ намѣреніе. При всемъ этомъ ничто не могло бы потушить чувствъ пламеннѣйшей любви къ Отечеству въ Лѣодорѣ, если бы несчастныя обстоятельства Россіи вдругъ не приняли въ Октябрѣ неимовѣрнаго оборота: мы получали гонца за гонцомъ съ извѣстіями, — что варваръ вышелъ изъ Москвы, преслѣдуемъ, поражаемъ повсюду, сражается съ храбростію и неутомимостію Россійскихъ войскъ, съ го-

лодомъ, съ холодомъ, съ моромъ — и опъ всего гибнешъ. Клики радости на улицахъ и благодарственные пѣсни въ храмахъ нашихъ воскресли. Съ сей щастливой переменѣю и Лѣодоръ оставилъ намѣреніе итти въ военную службу. —

Еще въ Маѣ мѣсяцѣ приѣхало изъ Москвы въ Н. семейство, которое составляли мать и дочь. Вдова имѣла отъ роду около 35 лѣтъ, была въ полномъ цвѣтѣ красоты, получала пансіонъ послѣ мужа — служившаго въ статской службѣ 35 лѣтъ и умершаго Коллежскимъ Совѣтникомъ; весь годовыи доходъ семейства сего простирался можетъ быть до 4 тысячъ; — и оно не перпѣло ни въ чемъ ни какой нужды. Дочери Эльвирѣ было 16 лѣтъ; мать ничего не щадила, что бы дать ей воспитаніе, — которое бы замѣнило богатое приданое необходимое нынѣ — но коимъ надѣлится не могла она дочь при всей любви своей. Уѣхавъ изъ Москвы она не хотѣла прервать ученья дочери, искала учителя и всѣ знакомые въ Н. единодушно совѣтовали ей пригласить для сего Лѣодора.

(Продолженіе впереди).

IV. СТИХОТВОРЕНІЯ.

Псаломъ 3й.

(Господи! что ся умножиша стужающіи ми).

По что, о Боже! обступаютъ
Враги вокругъ меня толпой
И какъ на сыра нападаютъ, —
Не зрятъ, что Ты помощникъ мой?
Иной речетъ, возвыся рогъ,
Что не спасетъ меня мой Богъ! —

*

Но Ты, о Боже! покрываешь
Меня вездѣ Твоимъ щитомъ;
И славою Твоей вѣнчаешь,
Меня вознесши предъ врагомъ; —
И слабый гласъ изъ устъ моихъ
Ты внемлешь на горахъ Святыхъ!

*

Я не бояся возлегаю,
Спокойно сплю — и возстаю;
Зане всѣмъ сердцемъ уповаю, —
Что защитишь главу мою.
Не убоюсь отъ гнѣвъ людей
При помощи, Господь, Твоей!

*

О Боже! нелиши защиты,
Какъ и доселѣ не лишилъ;
Ты поразилъ враговъ ланиты,
Ты зубы грѣшныхъ сокрушилъ; —
Спасеніе Твоихъ людей
И щастье — даръ десны Твоей! —

Ив. Срезневскій.

К а н т ы ,

*Поднесенные Его Императорскому
Высочеству Великому Князю НИ-
КОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ во время
пребыванія Его въ Херсонѣ, отъ та-
мошней Гимназіи вмѣстѣ съ рѣча-
ми на сей же случай и другими
сочиненіями.*

I.

Гряди къ намъ Госдь благословенный
Со славой Сѣверныхъ Царей!
Гряди къ намъ Ангель вожделѣнный
Въ величїи души Твоей!

*

*

*

Днесъ Ангельскимъ—небеснымъ взоромъ
Возрѣвши на Минервинъ садъ,
Цвѣтущій подъ Монаршимъ кровомъ, —
Обрадуй сердце юныхъ чадъ!

*

*

*

Обрадуй, озари ихъ младость
Драгимъ присутствіемъ Своимъ!
И даруй незабвенну радость,
Узрѣвъ Тебя, прославить имъ!

*

*

*

Прославить имя НИКОЛАЯ,
Торжественный возвыся гласъ,
Въ восторгѣ сердца возкликая:
Да здравствуетъ Великій Князь!

II.

Вивать, вивать Ангелъ Трона,
Князь Великій НИКОЛАЙ!
Гласъ торжественный Херсона
Днесъ въ восторгѣ возвѣщай!

*

*

*

Возвѣщай по всюду съ славой:
Что Петровъ паря Орелъ

Надъ Россійскою Державой
Торжество Херсона зрѣль!

*

*

*

Что Россія съ изумленьемъ
Днесъ взываетъ ты на насъ?
Ты воскликни съ восхищеньемъ:
Съ нами, съ нами Россій Князь!

*

*

*

Кто собою намъ вдыхаетъ
Радость, счастье и покой, —
Съ новымъ блескомъ озаряетъ
Торжествомъ и красотой!

*

*

*

Красотою всей Европы,
Взоромъ Росскаго Царя, —
Кѣмъ блаженствуютъ народы,
Образъ благости въ немъ зря.

*

*

*

Ангель! — все мы ощущаемъ,
Все Тобою въ счастье зримъ!
Всѣ Тобой однимъ пылаемъ
И душой къ Тебѣ летимъ!

*

*

*

А я — и утренней зарёю,
И въ знойный полудневный часъ,
И тихой вечера порою
Сномъ сладкимъ не смыкаю глазъ. . .

Я плачу, — кто опреть мнѣ слёзы?
Стенаю, — кто уймётъ мой стонъ?
Чью жизнь устѣвають розы,
Тому печаль чужая — шёрнь...

Что такъ смущаетъ духъ? не знаю! —
Что такъ палишь во мнѣ всю кровь?
Вдругъ я киплю . . . вдругъ застываю...
Не это ли зовушь любовь??...

Юрій Райдаровскій.

Деревня
Малая Дѣвица
5 Июля.

V. ХАРЬКОВСКІЯ ЗАПИСКИ.

Записка

*О приѣздѣ и пребываніи въ городѣ
Харьковѣ Его Императорскаго Вы-
сочества, Государя Великаго Князя
НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА. (*)*

10 числа Іюня въ 5 часовъ утра городъ
нашъ былъ обрадованъ прибытіемъ Его
Императорскаго Высочества, Государя
Великаго Князя НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.--

(*) Записку сію Издатели имѣли честь получить
опъ его Превосходительства Г. Гражданскаго
Харьковскаго Губернатора Василя Гавриловича
Мурашова при слѣдующемъ письмѣ:

Милостивые Государи мои!

„Читая въ 6 книжкѣ издаваемого вами Укра-
инскаго Вѣспника письмо 4 въ Херсонѣ, содер-
жащее въ себѣ описаніе пребыванія въ Харьковѣ
Его Императорскаго Высочества Государя Ве-
ликаго Князя НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА, я на-
шелъ въ немъ нѣкоторыя невѣрности; почему и
счелъ нужнымъ сообщить при семъ вамъ самое
точное свѣденіе касательно пребыванія здѣсь
Его Императорскаго Высочества, прося васъ по-
мѣстить оное въ слѣдующей п. е. 7 книжкѣ

Городскіе жишели, ожидавшіе съ великимъ неперпѣніемъ прибытія Высокаго Посѣщителя, горя желаніемъ узрѣть Брата обожаемаго всѣми Монарха, толпами собирались къ назначенному для пребыванія Его Высочества дому, у крыльца коего Государь Великій Князь встрѣченъ былъ Гг. Корпуснымъ Начальникомъ Генераль — Лейтенантомъ Княземъ Щербатовымъ, Начальникомъ Главнаго Штаба Генераль Маіоромъ Греесеромъ и Гражданскимъ Губернаторомъ. —

Въ 11 часовъ того же утра, по предварительно объявленной Г. Губернатору волѣ Его Императорскаго Высочества, имѣли щастіе быть представлены всѣ Губернскіе чиновники, Губернскій и Уѣздный Предводители съ Дворянствомъ для сего радостнаго случая въ то время въ

Украинскаго Вѣстника. Впрочемъ есмь съ опличнымъ почтеніемъ

Милоспивые Государи мои!

покорный слуга

Василій Муратовъ.

Харьковъ

9 Іюля 1816 года.

городъ съѣхавшимся, Университетскіе Чины и Купечество. — Послѣ чего Его Высочество изволилъ быть на вахшпарадѣ и осматривать квартирующие здѣсь полки; потомъ разныя заведенія слѣдующимъ порядкомъ: Институтъ общества Благотворенія учрежденный для воспитанія благородныхъ дѣвицъ, острогъ, Богоугодныя заведенія Приказа Общественнаго Призрѣнія, больницы и военные лазареты. — А послѣ сего изволилъ имѣть обѣдненный столъ, къ которому удостоились быть приглашены Гг. Корпусный Начальникъ и Гражданскій Губернаторъ. — Въ 4 часа по полудни осматриваемы были Его Высочествомъ Университетъ со всѣми кабинетами и заведеніями, Гимназія и Военно-сиротское отдѣленіе. — Въ 9 часу вечера Его Высочество удостоилъ Своимъ посѣщеніемъ балъ, приготовленный Дворянствомъ и Купечествомъ въ домѣ Губернскаго Предводителя Кварты, состоящемъ на самой чертѣ города, который на сей случай великолѣпно былъ освѣщенъ; — пробывъ тамъ около трехъ часовъ, изволилъ отправиться въ Свою

квартиру, которая также, равно какъ и весь городъ былъ иллюминированъ. —

На другой день въ Воскресенье въ 8 часовъ утра Его Императорское Высочество изволилъ быть на вахшарадѣ и по окончаніи онаго отправился въ Градской Соборъ, гдѣ былъ встрѣченъ здѣшнимъ Преосвященнымъ Аполлосомъ съ духовенствомъ, который и поднесъ Его Высочеству образъ Божіа Матери Каплуновскія. —

По выслушаніи же Божественной литургіи Государь Великій Князь послѣ ранняго обѣда, къ которому имѣли щастіе быть приглашены Гг. Корпусный Начальникъ, Дивизионный Командиръ Генераль Маіоръ Филисовъ, Гражданскій Губернаторъ и Губернскій Предводитель Дворянства, изволилъ предпринять дальнѣйшій путь къ Екатеринославу. —

Пребываніе свое въ нашемъ городѣ Его Императорское Высочество благоволилъ ознаменовать благотвореніемъ, приказавъ помѣстить въ Пенсіонъ при Гимназій на Свое иждивеніе сына оставшаго отъ службы Подполковника Гончарова.

*Пребываніе Его Императорскаго
Высочества Великаго Князя НИКО-
ЛАЯ ПАВЛОВИЧА въ Полтавѣ.*

(Изъ партикулярнаго письма.)

7-го числа сего мѣсяца въ 6 часовъ вечера на площади называемой Александровскою, гдѣ воздвигнутъ монументъ Петру Великому, начали собираться Дворянство и народъ. Дамы съ букетами цвѣтовъ и вѣнками взошли на возвышенность подлѣ балюстрады Монумента; корпусный Генераль Сакенъ съ Генералитетомъ, Штабъ и Оберъ Офицерами, также Гражданскій Губернаторъ и прочіе явились на площади верхами и ожидали Высокаго Путешественника. На небѣ сбирались дождевыя облака, — но никто не примѣчалъ этого. Наконецъ экипажи Великаго Князя показались на дорогѣ; Генераль Сакенъ съ прочими поскакалъ къ заставѣ; встрѣля Высокаго Гостя, отдавъ ему должную почесть. Его Высочество съ благосклонностію предлагалъ ему мѣсто въ своей ко-

ляскѣ; но почтенный Генераль, представляя неограниченное желаніе всѣхъ жителей города насладиться лицезрѣніемъ, убѣдилъ Его сѣсть на приготовленную верховую лошадь. Великій Князь, сопровождаемый Генералишествомъ и прочими, галопировалъ къ Монументу. Народъ тѣснился; всякой старался подойти ближе, чтобы лучше увидѣть Его. Я видѣлъ вблизи Его Высочество! минушу сію почитаю приятнѣйшею въ моей жизни! я забылъ все, глаза мои устремлены были на стройной станъ Царевича, на величественное лице исполненное приятности, на глаза сіяющіе кротостію и челоуѣколюбіемъ, на преркасиѣйшее положеніе Его на лошади! Когда Его Высочество поравнялся съ Монументомъ, — дамы начали бросать цвѣты и вѣнки; Онъ благодарилъ. Народъ толпою слѣдовалъ за нимъ, пока Онъ съ сопровождавшими Его особами приѣхалъ къ Собору. Въ пришворѣ встрѣченъ былъ Архимандритомъ съ духовенствомъ крпкою привѣштвенною рѣчью первымъ произнесенною.

При выходѣ Великаго Князя изъ церкви пошелъ сильный дождь, какъ будто нарочно до того чуть державшійся въ облакахъ и каковаго дошолъ еще не было. Говорятъ, въѣздъ Великой Екатерины въ Полтаву также сопровождаемъ былъ благотворнымъ дождемъ. Его Высочество въѣхалъ въ городъ Юня 7 въ исходѣ 9 часа вечеромъ; а Великая Екатерина, говорятъ, тогожъ мѣсяца и числа, но только ранѣе.

Великій Князь, по проѣздѣ многолѣтня, приложился ко кресту и мѣстной иконѣ Спасителя. Потомъ вышелъ изъ церкви и сѣвши поспѣшно, по причинѣ дождя, въ коляску съ благосклонностію подаль руку Генералу Сакену, — дабы помочь войти ему скорѣе въ коляску. (Черта вниманія и уваженія къ Герою во браняхъ поспѣвшему!) — Высокій Пущешенникъ послѣ сего поѣхалъ въ приготовленный для него домъ Дѣйст. Ст. Совѣт. Кочубея — тотъ самый, гдѣ останавливалась Екатерина Великая.

На другой день представлялись Ему здѣшніе гражданскіе чиновники, дворянство, и члены сословія гражданъ. Вни-

маніе Государя устремлялось на всѣ предмѣты. Онъ желалъ знать малѣйшія подробности; спрашивалъ о числѣ разнаго званія жителей, о заведеніяхъ, о вновь построенныхъ домахъ и проч. и почти со всѣми изволилъ говорить; узнавалъ ихъ изъ военнослужащихъ, кои были при немъ въ Парижѣ; многихъ удостоилъ обѣщаній Высокаго покровительства Своего, — особливо извѣстнаго дарованіями своими Автора *Виргиліевой Энеиды* наизнанку на Малороссійскомъ языкѣ Капитана Копляревскаго — и изъявилъ желаніе имѣть у Себя два экземпляра оной. —

Первый выѣздъ Его Высочества изъ квартиры былъ для осмотра суконной фабрики. Инспекторскаго помощника оной Кондуру, съ опличіемъ занимающагося по сему заведенію съ начала существованія его, удостоилъ особеннаго вниманія Своего; спрашивалъ его о дѣйствіи и способахъ фабрики; изъявилъ удовольствіе за выдѣланную шкуру свѣтлосѣраго тонкаго сукна. Съ фабрикантами говорилъ Онъ по Нѣмецки и милостиво выслушивалъ ихъ. — Оставя фабрику,

изволилъ смотрѣть лазаретъ 42 Егерскаго покла; изъявилъ совершенное Свое удовольствіе за исправность и чистоту. — Проѣздомъ въ Богоугодное заведеніе останавливался для осмотра Монумента. Въ Богоугодномъ заведеніи осматривалъ аптеку и больницы; благосклонно отзывался къ Шшабъ-Лѣкарю Мамѣеву сопровождавшему Его по всѣмъ комнатамъ заведенія. Не могу умолчать замѣчательнаго слова Его Высочества; отдавая справедливость порядку и чистотѣ заведенія сего Онъ сказалъ: „Все это очень хорошо; но такъ ли всегда? — Послѣ сего Его Высочество осматривалъ городскій острогъ. Городскій садъ, замѣчательный приятнымъ мѣстоположеніемъ своимъ, также не остался безъ вниманія; — у большихъ воровъ онаго питомцы дома воспитанія бѣдныхъ выстроены были въ линію: Его Высочество съ благосклонностію обласкалъ ихъ; Смотрителю Капитану Кошляревскому изъявилъ вторично свое удовольствіе за устройство и порядокъ.

Его Высочество, посѣтивъ Генерала Сакена, возвратился въ свою квартиру.

Почтенной Генераль съ прочими, Гражданскій Губернаторъ и Вицъ-Губернаторъ приглашены были обѣдать у Его Высочества.

Вечеромъ Его Высочество удостоилъ своимъ посѣщеніемъ Дворянскій балъ въ честь Ему приготовленный въ Дворянскомъ домѣ. Онъ приѣхалъ туда въ 8 часовъ; изъявилъ удивленіе свое многочисленности общества; одобрилъ пространство залы и предпочелъ оную *Кіевской*; отдалъ справедливость Архитектурѣ зданія; съ удовольствіемъ смотрѣлъ на приятную картину иллюминированной Александровской площади, Монуменша и Шведской могилы состоящей за городомъ, — которая казалась какъ бы горящею горою; замѣтилъ приятность музыки (изъ числа трехъ) Дѣйств. Стат. Совѣтн. Оболенскаго; Его Высочество открылъ балъ съ Дѣйств. Стат. Совѣтницей Герсевичевою Польскимъ и изволилъ танцовать почти со всѣми дамами, пробылъ на балѣ до 3 часовъ.

Домъ приготовленный для Его Высочества былъ такъ же иллюминированъ.

На третій день, т. е. 9 числа поутру, Великій Князь ѣздилъ осматривать *Шведскую могилу* отъ города верстахъ въ четырехъ находящуюся — гдѣ погребены тѣла убитыхъ на славномъ Полтавскомъ сраженіи; любопытствовалъ мѣстоположеніе разположенной въ то время арміи; былъ въ селѣ Пешровкѣ, гдѣ Великій Петръ переправлялся чрезъ Ворсклу съ непобѣдимыми своими войсками. Между тѣмъ множество дамъ и прочихъ жителей собралось на площади для воинскаго ученія въ приятной надеждѣ видѣть опять обожаемаго Царевича; но Онъ проѣхалъ къ Генералу Сакену и у него обѣдалъ. Послѣ обѣда выѣхалъ изъ города въ четвертомъ часу по тракту въ Харьковъ. Возлѣ дому градской думы цеховыя значки были въ честь Ему преклонены. Почтенный Сакень съ прочими хотѣлъ сопровождать Великаго Гостя; но Его Высочеству угодно было отказаться отъ сей почести. Онъ поѣхалъ въ сопровожденіи только Полицмейстера и 3-хъ драгунъ; первому приказалъ ворошиться отъ заставы, а послѣднимъ проѣхавши еще нѣ-

еколько. Множество народ
горѣ по Сампсонѣвской пло
рами, и сердечными благослов
вожали Высокаго Путешествен
наконецъ экипажъ Его скрылся

Егоръ Ак

Письмо къ Издателямъ изъ Оде

Милостивые Государи!

Одинъ мой приятель просилъ пер
слать къ вамъ на случай прибытія Велика
Князя въ Одессу Греко-Еллинскія Стих

(*) Издатели не могли помѣстить письма сего и
принадлежности въ прошедшей книжкѣ; попом
что оно получено, когда шестая книжка была
уже кончена. Замѣтишь надобно, что по извѣ
стіямъ особеннымъ и по газетамъ прошедшаго
столѣтія Великая Екатерина посѣщала Полта
ву раньше, нежели какъ говоритъ Сочинитель
письма сего.

мъ и прозу — переводъ стихотворный въ здѣшнемъ Институтѣ. Поэма были читаны на театрѣ представленія Греками Драмы Подражатель Еллинскихъ стихотворцевъ Грекъ и не поэтъ; но просто и который, любя своихъ Царей, во и древнюю славу Греціи, — свои чувства въ сихъ стихахъ. — Вы можете быть найдутся нѣкоторые ошибки противу правилъ красноречія — но естьли любовь къ Царю и Отечеству можетъ въ юношѣ извинить незначительныя ошибки поэзіи, естьли усердіе сердечное можетъ замѣнить риторичность; то Мм. Гг. могу льстить себя надеждою, что вы оставите помѣстить въ вашемъ Журналѣ посылаемыхъ при семъ стиховъ и прозы. Чѣмъ чувствительно обязавъ, ставивъ и впредь слушать голосъ сердца и иногда нѣкоторые отрывки, изліянія сердечныхъ чувствъ, пересылаю къ вамъ. Препровождаю при семъ и подробное описаніе, какъ Его Высочество Великій Князь НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ изволилъ пребываніе свое имѣть въ Одессѣ.

Наконецъ желанія наши исполнились, — мы увидѣли 17 Іюня въ 8 часу по полудни прибытіе порфиророднаго Князя НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА — сего юнаго Царевича, въ которомъ сіяетъ образъ Великаго нашего Монарха, — И кто при такомъ радостномъ возхищеніи будетъ молчать? Я первый спѣшу слабымъ моимъ перомъ излить мои и всѣхъ согражданъ сердечныя чувства, ясно отражавшіяся у всѣхъ во взорахъ.

На заставѣ при въездѣ въ городъ Его Высочество былъ встрѣченъ множествомъ народа; пѣшіе, конные и въ экипажахъ — всякой наперерывъ желалъ насладиться лицезрѣніемъ Его и съ радостнымъ восторгомъ провожалъ къ дому Графа Ланжерона. — Когда Великій Князь вышелъ изъ коляски; по раздалась, по сигналу съ крѣпости и башарей по берегу моря, салютация со всѣхъ судовъ стоявшихъ въ гавани.

При рожденіи сего юнаго Царевича едва были видны здѣсь слѣды человѣческія; — пространныя и непроходимыя стѣпи ужасали своею пустошю: а теперь: . . . о неисповѣдимыя судьбы Божескаго Промысла! Те-

перъ подъ покровомъ Божіимъ, подъ благо-
творнымъ скипетромъ по истиннѣ Ве-
ликаго Монарха на каждомъ шагѣ видны
труды мирныхъ жителей, вездѣ обрабо-
танныя поля плающія съ избыткомъ за
его старанія трудолюбивому поселяни-
ну. — который въ мирной своей хижинѣ,
удаленный отъ шума городского, упоенный
сладостнымъ удовольствіемъ возноситъ
теплыя молитвы ко Всевышнему Твор-
цу и благословляетъ имя АЛЕКСАНДРА
виновника толикихъ благъ и щастія!! —
Флора и Помона, соревнуя Церерѣ, раз-
пространяютъ сады въ окружности Одес-
сы; каменное строеніе города восхищаетъ
взоры; безпрестанное занятіе всѣхъ со-
стояній, процвѣтающая торговля, жизнь
жителей проводимая не съ необходи-
мостью только. — но уже и съ приятно-
стію и даже съ роскошью—все приходитъ
въ совершенство, все обновляется по-
слѣ нещастій постигшихъ въ 1812 году
нашъ городъ, — когда съ ужасомъ свирѣп-
ствовала зараза и тысячу жертвъ похи-
тила мучительная смерть. — Утихли бу-
ри потрясавшія Европу, — и при ны-

нѣшнемъ всеобщемъ благотворномъ мирѣ спекаются къ намъ, какъ братья, со всѣхъ сторонъ, изъ всѣхъ Государствъ граждане и раздѣляютъ обоюдно свои и наши избытки. Мы видимъ при здѣшнемъ портѣ болѣе четырехъ сотъ судовъ для складки или нагруженія товаровъ; и въ сей радостный день въ честь Великаго Посѣпителя развѣваются на всѣхъ разноцвѣтные флаги! —

Теперь Великій Князь видитъ въ шеніи своихъ лѣтъ сей городъ возникшій изъ ничтожества и уже равняющійся съ лучшими Россійскимп городами! Сколь приятно было для Его сердца увидѣть множество народа разныхъ націй, который собрался противъ дому, занялъ всю площадь и ожидалъ Его появленія. Лишь только Великій Князь показался на балконѣ, — радостное *ура* раздалось повсюду. Народъ, увлеченный восторгомъ, не скрывалъ чувствъ своихъ и ясно показывалъ свою любовь и приверженность къ Трону. Сколь должна быть благодатна та земля, въ которой не покупаются такіе восторги цѣною золота!

и сколь неоцѣненны сїи восторги, которые происходятъ отъ чистаго сердца! — На другой день 18 числа новыя явленія: едва только показался дневный свѣтъ — какъ народъ началъ собираться и занялъ опять всю площадь. Галицкаго полку батальёнъ назначенъ для разводу, — и лишь только вышелъ Великій Князь, какъ вдругъ громогласное *ура* опять разда-лось во всемъ народѣ. Хотя во время раз-вода погода и не благоприятствовала, хотя поднялся сильной вѣтеръ и пыль; но это не мѣшало народу шолпиться вокругъ Его и изъявлять свою любовь. Послѣ по-шелъ маленькой дождь и Его Импера-торское Высочество изволилъ прибыть въ Преображенскую Соборную Церковь, гдѣ въ продолженіи цѣлой обѣдни стоялъ съ благоговѣніемъ. Послѣднія слова въ Евангеліи произнесенныя Дѣякономъ: *иди съ миромъ, вѣра твоя спасе тя*, — глу-боко тронули мою душу; я мечталъ, что Верховное Существо низпослало къ намъ Великаго Князя въ видѣ Ангела, — дабы при-мѣромъ Его научить народъ благоговенію къ Религїи — и съ увѣренностію сказалъ:

Онъ точно шествуетъ съ миромъ, увѣренъ въ вѣрѣ ко Творцу, полагается на Промыслъ Вездѣ-сущаго Бога — и Той Его въ сей жизни будешь спасать. — Во время обѣдни шелъ сильный дождь съ вѣтромъ и громомъ и продолжался перемѣжаясь во весь день. Въ вечеру въ театрѣ играна Программа на Рускомъ языкѣ на случай прибытія Великаго Князя; а послѣ была балетъ. Послѣ театра здѣшнее Купечество давало балъ, гдѣ зала была освѣщена и поставлена прозрачная картина приличная торжеству; собраніе было чрезвычайно велико какъ Дворянства, такъ и Купечества, — которое удостоили Его Высочество своимъ посѣщеніемъ.

19-го былъ смотръ Галицкаго полка; а послѣ осматриванъ карантинъ, при чемъ съ судовъ стрѣляли изъ пушекъ и кричали ура. Въ вечеру Его Высочество опять изволилъ быть въ театрѣ, гдѣ играли на Рускомъ *Подложной кладъ*, на Французскомъ *комедіантъ по неволѣ* и балетъ *Пигмаліонъ Царь Кипрскій*. 20, была иллюминація всего города; во многихъ мѣстахъ выставлены прозрачныя картины и

Его Высочество изволилъ ѣздить по городу верхомъ. Народъ на каждомъ переулкѣ собирался толпами и кричалъ ура; ночь была подобна дню и всѣ почти прогуливались по городу до втораго часу за полночь. 21. Графъ Ланжеронъ давалъ въ Дюковскомъ саду балъ и ужинъ; садъ былъ иллюминированъ и сожженъ фейерверкъ. 22 въ 8 часу по полуночи Его Высочество изволилъ выѣхать изъ Одессы.

PS. Не честолюбіемъ влеченный пишу вамъ; а просто сердечными чувствами. — Еслили это сообразно съ вашимъ изданіемъ, прошу васъ покорно помѣстить. Мы видимъ изъ вашего Вѣстника, что всякой Руской можетъ изливаться свободно свои чувства. Итакъ поправте ошибки; я останусь доволенъ пошому, что ни въ какихъ пансіонахъ и Гимназіяхъ не учился, — а у простаго Дьячка, — не знаю правилъ краснорѣчія и руководствуюсь однимъ сердечнымъ чувствомъ.

Руской.

Стихи читанные во время пред-
ставленія Программы на Грече-
скомъ языкѣ въ Одессѣ, по случаю
присутствія Великаго Князя НИ-
КОЛАЯ ПАВЛОВИЧА въ театрѣ.

Ο ἀνατείλας ἥλιος τὸν ἀρκτινὸν τὸν πόλον,
Καὶ ἕως τῆ ἀνταρκτικῆς ἀσράφας Φεγγαβολόν,
Φωτῆρ ὁ Φαεινότατος τό ἄερον τῆς εἰρήνης,
Τὸ ἀποσέλλον πανταχῶς αἰτίνας εὐφροσύνης,
Σημεῖον τῆς εὐνοίας τε θελήσας νά μᾶς δώσῃ,
Ἦυδόκησε βασιλικῶς νά μᾶς καταξιώσῃ.
Ἐνᾶ ἀσέρα τηλαυγῇ καὶ ἐκλαμπρον νά τεύλῃ,
Σιὸν καθ' ἡμᾶς ὀρίζοντα λαμπρῶς νά ἀνατείλῃ,
Καὶ ἔτως ἐξανέτειλε περικαλλὲς ἀσέρας
Λαμπρῶς Φωτὸς πληρέμενος ἐκ τῆς ἡσχίης σφάιρας.
Ἡ Καισαροβαυλικῇ Αυτῇ νῦν ὑψηλότης
Ὁ Μέγας Δουξ Νικόλαος χαρίτων ἡ ακρότης
Τῷ σεβασῇ μας Ἀναυτος ἀντάδελφος ὁ νεὸς,
Καὶ τῷ Μεγάλῳ Πέτρῳ τε ἀπόγονος γενναῖος.
Ὡ μακαρία ἐποχὴ! ὦ εὐτυχὴς ἡμέρας
Ὁδέσστα περιώνυμε εὐφράνδῃτε καὶ χαῖρε.
Ἰνέτευσον γονυκλιτῶς τὸν Πρίγγινα νά νευσὸν,
Τὰς χάριτας τῷ Καίσαρος εἰς σέ νά προμηθευσὸν.
Καὶ ἡμεῖς Γραικοὶ ὁμογενεῖς οἱ ζῶντες τὴν Ῥωσσίαν
Κοινῶς αἶς μεγαλύνωμε Δεσπὸς τὴν παρρσίαν,

Ζήτ' ὁ Μονάρχης κρίζοντες Ἀλέξανδρος ὁ
 Πρῶτος,
 Ζήτω καὶ ὁ Δῆξ Νικόλαος! τῶν ἀρετῶν ὁ κρόνος!—

Переводъ Греческихъ стиховъ.

Величественный Фебъ, озаряющій всю
 сѣверную страну и разливающій благо-
 творные лучи свои до концевъ земнаго
 шара, обращаетъ теперъ ясное къ намъ
 чело свое. Царь свѣшилъ предваряетъ
 насъ о своемъ появленіи появленіемъ
 румяной зари, — сего младаго свѣшила, на
 коемъ ярко отражаются лучи свѣтозар-
 наго солнца. Се Высокій Потомокъ Пе-
 тра Великаго, — се юный порфирород-
 ный Князь НИКОЛАЙ, — се Братъ и об-
 разъ Августѣйшаго Монарха нашего! О
 благополучная эпоха! о дни щастливые
 для Одессы, — которая, въ небесномъ оча-
 рованіи своемъ, умоляетъ юнаго Царевича
 быть ходатаемъ ея у Престола бла-
 гости! Мы потомки Еллиновъ, покоющіе-
 ся подъ Скипетромъ Россійскимъ, спа-
 немъ также славить присущствіе Вели-

каго Князя и на языкѣ нашемъ восклик-
немъ въ радости: да здраствуетъ благо-
словенный АЛЕКСАНДРЪ I и зримый на-
ми шеперь НИКОЛАЙ царскими добле-
стями украшенный!!

Издатели съ величайшимъ удоволь-
ствіемъ и благодарностію къ *Рускому*
помѣщають въ своемъ Журналѣ письмо
и стихи на Греческомъ языкѣ, какъ они
присланы. Они просятъ и впередъ не
оставлять безъ вниманія произшествій
Одессы — города новаго, — но который
первыми и быстрыми успѣхами своими въ
торговлѣ, въ образѣ жизни обѣщаетъ се-
бѣ славу имѣющую сравняться съ славою
лучшихъ городовъ Россіи. И мы вмѣстѣ со
всѣми желаемъ, да процвѣтаетъ Одес-
са на Югѣ Россіи близъ той славной
въ древности страны, — которая была
учительницею всѣхъ націй въ наукахъ,
искусствахъ, въ патриотизмѣ, въ добродѣ-
теляхъ военныхъ и мирныхъ, въ щастіи
жизни! —

Прогулка.

Бываютъ такіе случаи, которыхъ ожидать ни какъ нельзя. Мнѣ случилось говорить съ одною дамою, — я думалъ по принятому обыкновенію перебивать съ нею кое о чемъ, или какъ говорится пересыпать изъ пустова въ порожнее — о модахъ, о нарядахъ, о пересудахъ и пр. но не шутъ-то было: моя дама, какъ на бѣду, была совсѣмъ другаго вкуса. Она начала спрашивать — какъ бы вы думали? — о моихъ познаніяхъ, о моихъ занятіяхъ, о моей особенной склонности къ какому либо роду познаній. На послѣднее я отвѣчалъ ей, что охотникъ до литературы. Хорошо, сказала она! Такъ напишитежь для меня пѣску на слова, которыя у меня безпрестанно въ умѣ вертятся, — вотъ они: *солнце, луна, вечеръ, щастіе, мечта, война, миръ, буря, вѣчность*. Я записалъ слова и разпростясъ пошелъ размышляя, — какъ бы удовлетворить ея требованію. Что дѣлать? Не описатьъ — значить обидѣть, или показать себя съ худой стороны! Написать на

заданныя слова, чтобъ здѣлать связную мысль, надобно много думать. Итакъ въ недоумѣнїи я рѣшился итти нѣсколь-ко разгуляться и приготоуишься къ своему экзамену. Время было прекрасно; *Солнце* уступало уже мѣсто мраку; послѣдній лучъ его слабо отражался въ кристальной поверхности рѣки, тихо колеблемой зефиромъ; пернатые обитатели лѣсовъ умолкли; одинъ ноч-ный соловей продолжалъ свою пѣснь, звуча-ное эхо горъ еѣ повторяло; на безоблач-номъ небѣ блѣдная *Луна* сіяла во всей полнотѣ своей; глубокое молчаніе цар-ствовало во всей природѣ. —

Въ прекрасный *вечеръ*, при блѣдномъ сіяніи луны чувства наши дѣлаются какъ то живѣе, душа нѣжнѣе и способнѣе при-нимать приятныя впечатлѣнїя. —

О друзья мои! естли сердце ваше не развратилось отъ ложныхъ веселій свѣ-та, естли вы еще можете чувствовать и безъ угрызенія совѣсти входить въ са-михъ себя; — то не ищите *щастїя* въ блестящихъ и многочудныхъ собранїяхъ, — шамъ вы его не найдете! Нѣтъ, шолько въ

нѣдрахъ природы и простоты можно найти его и наслаждаться имъ. Но ежели вы уже неспособны внимать гласу природы и совѣсти; то бѣгите, бѣгите отъ истиннаго удовольствія къ обманчивой *мечтѣ*, — обманывайте себя самихъ; — но повѣрьте, что нѣкогда будете разкаиваться въ своихъ заблужденіяхъ.

Прогулка моя продолжалась; я избиралъ мѣсто, гдѣ бы свободнѣе было размышлять о моей задачѣ и гдѣ бы больше было предмѣшовъ, могущихъ произвести во мнѣ мысли на заданныя слова. Такимъ образомъ мечтая зашолъ я на кладбище. Между множествомъ надгробныхъ камней я замѣпилъ одинъ, воздвигнутый въ память воину. Боже! подумалъ я самъ себѣ, — какъ могутъ быть такіе люди, которые ищутъ проливать кровь своихъ ближнихъ для того только, — чтобы ознаменовать свое существованіе въ мѣрѣ, для того только, — чтобы на тысячѣ могилъ воздвигнуть себѣ ничтожный памятникъ ложной славы? — Кто бы что ни говорилъ, а война есть бичъ рода человѣческаго, язва смертельная для

щастія людей. Говорятъ — она есть необходимое зло. Почему же необходимое? Развѣ потому только, что многіе изъ людей по необходимости хотѣтъ быть злыми!...

О *миръ* драгоценный даръ неба! сколь щастлива та страна, гдѣ ты царствуешь! Изобиліе и радость суть твои со-
путники. Щастливъ стократно тотъ Монархъ, подъ скипетромъ котораго подданные благословляютъ мирное его царствованіе, — а не славу военныхъ подвиговъ! И еслили необходимость, еслили покой и щастіе его подданныхъ требуютъ защиты его отъ нападенія неприятеля; то щастливъ онъ, когда извѣдается мечъ не для того, что бы имя его вписали въ число героевъ, — а съ такою же радостію готовъ будетъ положить его, какою наслаждался во время побѣдъ своихъ. Но еслили онъ, увлекаемъ однимъ желаніемъ славы, не устрашится вопля жертвъ принесенныхъ преступному своему честолюбію, — еслили покой свой и народа своего станетъ щипать безславіемъ имени его, — еслили съ завистію и жадностію станетъ перечислять листы

героевъ и побѣдъ ихъ кровавыхъ; — тогда ни въ лаврахъ имъ пожатыхъ, ни въ кругу вельможъ своихъ, ни даже на престолѣ не найдетъ онъ спокойствія, — спокойствія, которое кажется, самые завоеватели поставляютъ предѣломъ своихъ стремленій, цѣлю своихъ желаній, — какъ Пирръ герой Эпира объявлялъ въ разговорѣ своемъ съ добродѣтельнымъ и миролюбивымъ вельможей Цинеемъ!

Нѣтъ, сердце мое никогда не будетъ согласоваться съ тѣми кровожадными, безчувственными людьми, — которые съ удовольствіемъ считаютъ жертвы падшіе подъ ихъ ударами, среди ужасовъ войны, посреди тысячи смертей, перелетая отъ одной побѣды къ другой! Самый щастливый воинъ не долженъ забывать, что онъ человѣкъ! . . . —

Мысли мои такъ далеко простирались при памятникахъ смертности нашей, что я не примѣнилъ — какъ небо помрачилось тучами, вѣтеръ завылъ и предвѣщалъ грозную бурю. Нѣсколько дождевыхъ капель упало на мою руку — и я опомнился. Какъ все непостоянно въ здѣш-

немъ міръ, сказала я! Ведро и ненастье въ одинъ день, счастье и не счастье, печаль и радость суть непрестанныя для насъ явленія. Неужели же это законъ неизмѣняемый, всегдашній? Неужели ни когда нельзя надѣяться ненарушаемаго спокойствія, непрерывнаго счастья? — При семъ взглянулъ я на могилы, — и отвѣтъ прилепѣлъ въ мысль мою!

За предѣлами сихъ памятниковъ — тамъ не будетъ перемѣнъ! *Вѣчность* послѣ жизни доставишь намъ или вѣчное счастье — за добродѣтель, или вѣчное мученіе — за пороки! — Такъ, эта истинна не сомнительна, — кто бы что ни говорилъ вопреки ей.

Съ сими мыслями возвратился я домой; написалъ ихъ на бумагу и къ удовольствію моему нашелъ въ ней всё заданная мнѣ моею дамою слова. На другой день переписавши и поправивши побѣждалъ я къ ней, поднесъ сочиненіе и гордился тѣмъ, — что сколько нибудь могъ ей доказать справедливость моей приверженности къ занятіямъ въ Литературѣ.

Н. Дуникъ - Борковский.

*Библіографія виходящихъ въ Харь-
ковѣ книгъ.*

1. Латинскій Словарь, изданный Профессоромъ Иваномъ Каменскимъ. Посвящается юнымъ любителямъ Латинскаго языка. Въ Харьковѣ въ Университетской Типографіи 1816. in 8. maj. 360 стран. (о сей книгѣ было упомянуто въ 6 книжкѣ Украинск. Вѣстника).

2. Краткая Россійская Грамматика, содержащая въ себѣ правила руководствующія къ познанію Россійскаго языка, по вопросамъ и отвѣтамъ разположенная и при второмъ изданіи исправленная Андрѣемъ Вербицкимъ. Въ Харьковѣ въ Университ. Типогр. 1816. in 8. 108 стр.

(Книжка, по недостатку у насъ учебныхъ пособій въ семъ родѣ, полезная и заслуживающая вниманіе; особливо для первоначальныхъ училищъ. Желательно, что бы наши Литераторы обратили свой умъ на Грамматику Россійскаго языка и довели её до надлежащей опредѣлительности, точности и чистоты; но желаніе

сѣе можетъ быть долго еще будетъ только *желаніемъ*! — Принятыся одному за обрабатываніе Грамматики есть великій и почти непреодолимый трудъ, — не говоря уже — требующій знаній ума проникательнаго, памяти богатой и больше всего терпѣнія — не славолюбія! — Но кто же согласится, какъ говоритъ Г Мерзляковъ въ рѣчи своей о *настоящемъ состояніи нашей словесности* (Труды любителей Русскаго слова часть 1-я стр. 69), отвергнувъ быструю и льстивую славу Авторства, единственно одушевляемый любовью къ пользамъ отечества, — низойти въ мрачныя глубины языка Россійскаго и проникнуть къ самому его источнику; особливо же, когда у насъ таковыя труды часто публика награждаетъ убійственнымъ равнодушіемъ! — Чтожь? неужели это желаніе останется у насъ безъ исполненія? — Останется, если *Ученые наши Общества*, — для коихъ дымъ авторства не долженъ быть лестень и копоры могутъ презрѣть равнодушіе современниковъ для благодарности въ потомствѣ, — если, говорю, сѣи *Общества* не

обращать вниманія своего на сей предметъ и не возмущся составить Грамматику. И неужели не стоило бы труда въ общемъ собраніи кокого-нибудь подобнаго Общества задать программу *изложить систему сочиненія Грамматики*; лучшей отвѣтъ на это разсмотрѣть и утвердить; потомъ членамъ извѣстнымъ знаніемъ языка Россійскаго раздать по частямъ предметъ Грамматики для изложенія по данной системѣ; и наконецъ, получивъ сїи части, составивъ цѣлое, пересмотрѣть снова — и выдать въ свѣтъ въ самомъ дѣлѣ полную и совершенную сколько можно Грамматику Россійскаго языка? ? — ф.)

3. *Dissertatio Chemica de acidi muriatici oxygenati natura, quam conscripsit et publice defendendam suscepit ad gradum Doctoris obtinendum Magister Chemiae Ernestus Leopoldus Schuman. Charkowiae Typis Academicis. 1816 in 8 36 стран.*

4. *Dissertatio inauguralis de servorum herilium in Russia statu vetere, quam ad gradum Doctoris utriusque juris consequendum conscripsit Michaël Gribowsky. Charkowiae, Typis Academicis. 1816, in 12, 27 стран.*

Извѣстіе о бѣдномъ семействѣ.

(Письмо къ Издателямъ.)

Милостивые Государи!

Не одно уже бѣдное семейство, посредствомъ челоуѣколюбиваго старанія вашего и помощи, облагодѣтельствовано; а пошому и я прибѣгаю къ вамъ же со всепокорнѣйшею прозьбою моею, обратити вниманіе благодѣтелей на состояніе мое и подать мнѣ руку помощи:

Пробывъ многіе годы въ гражданской службѣ, по болѣзни моей и спороности, я долженъ былъ оную оставить; а къ болѣзни моей тягчайшую скорбь приключило мнѣ лишеніе послѣдней жены моей: ибо я имѣлъ ихъ одну послѣ другой прехъ, кои оставили мнѣ при бѣдности моей прехъ дочерей пришедшихъ теперь въ совершенный уже возрастъ. По бѣдности же моей не только не могу чѣмъ устроить ихъ участь, — но даже не имѣю почти и дневнаго пропитанія; и ежелибъ не призрѣвъ я былъ благодѣтелемъ Протоіереемъ Воскресенской церкви Іоанномъ

Корневымъ, у котораго и пристанище имѣю, — естли бы не было пособій Христілюбивыхъ дашелей; то бы по слабости моего здоровья и бѣдности я и существовать съ премо дочерьми моими болѣе не могъ.

Итакъ обратите вниманіе благодѣтелей, Мм. Гг. на несчастное состояніе мое, объявивъ въ издаваемомъ вами *Украинско-мъ Вѣстникѣ*. Можеть быть, да и на вѣрное полагаю, найдуться благотворныя души и подадутъ мнѣ руку помощи съ премо дочерьми моими и извлекутъ насъ изъ горестнаго состоянія пособіемъ своимъ, елико Господь Богъ положитъ на сердце. А мы съ благодареніемъ ко Всевышнему будемъ прославлять благоотворящихъ намъ. И ежели чья милость будеть чемъ либо насъ ошаспливить; то прошу всепокорнѣйше доставлять оное въ Губернскій городъ Орель на имя вышеозначеннаго Протоіерея Коренева, или Орловской Уголовной Палаты Г. Предсѣдателя Федора Филиповича Филипова, для доставленія намъ бѣднымъ.

Во ожиданіи благотворной помощи
честь имѣю быть и проч.

Коллежскій Секретарь Иванъ
Борисовъ Соколовъ.

Юня 20 дня
1816 года.
Губернскій городъ
Орель.

Отъ Издателей.

Лестные отзывы въ нѣкоторыхъ Журналахъ, въ частныхъ письмахъ и на словахъ награждаютъ совершенно труды предпринимаемые издателями Украинскаго Вѣстника — и обязываютъ ихъ свидѣтельствовать благодарность особамъ какъ благоволившимъ подписаться на сѣ изданіе, такъ и ошозваться столь благосклонно объ ономъ.

Нельзя, чтобъ изданіе сѣ удовлетворяло во всемъ и всѣхъ его читателей; но мы утѣшаемъ себя прошивъ недовольныхъ мыслію, изложенную въ предисловіи къ Россіядѣ Михайломъ Матвѣевичемъ Херасковымъ : *кто написалъ совершенное*

твореніе въ свѣтѣ? При томъ же и журналъ кажется чѣмъ разнообразнѣе, тѣмъ удовлетворительнѣе и ближе къ цѣли своей; а потому и можно съ равнодушіемъ слушать: что однимъ не нравились помѣщеніе живописной прозы, другимъ ученые статьи, третьимъ нѣсколько забавные и такъ далѣе. Всякой воленъ издавать журналъ въ своемъ вкусѣ и оставлять на волю издавать также другихъ.

Жаль только, что издатели по новости въ дѣлѣмъ мѣстѣ почтовой пересылки книжекъ къ подписавшимся не могли дѣлать успѣшнѣе и вѣрнѣе: ибо это не ошъ нихъ зависѣло. Впрочемъ и по сему предмѣшу приняты уже всевозможныя мѣры: Г. Почтъ-Директоръ Черниговскаго Почтамта Николай Николаевичъ Дурасовъ на просьбу издателей увѣрилъ ихъ письмомъ своимъ, что опселѣ исправность вразсужденіи пересылки Украинскаго Вѣстника доведена будетъ до возможнаго совершенства.

Каждый мѣсяць будетъ выходить одна книжка; при такихъ книжки составятъ часть, а четыре части полное годовое изданіе.

Издатели съ благодарностію будутъ принимать присылаемыя къ нимъ сочиненія и печатають, — естли они соотвѣствуютъ цѣли журнала; но не обязываются пересылать обратно къ сочинителямъ тѣхъ изъ нихъ, кои по какимъ нибудь причинамъ не могутъ быть напечатаны.

Подписка принимается во всѣхъ Почтовыхъ Конторахъ и Экспедиціяхъ съ надписью на конвертѣ: *Издателямъ Украинскаго Вѣстника въ Харьковѣ*. Подписная цѣна за всѣ 12ть книжекъ здѣсь въ Харьковѣ 15 руб.; а съ пересылкою въ другіе города 18 руб.

Желающіе получаютъ сей Журналь благоволять подробно при подпискѣ означать свой чинъ, имя, отчество и фамилію для вѣрнѣйшаго доставленія книжекъ.

Содержаніе 7й Книжки.

I. Науки и Искусства.	Стр.
1. О Самаріи -	1
1. О Перспективѣ -	23
 II. Живописная проза.	
1. Валковское Кладбище -	36
2. Дишяни (Идиллія Жофреша) -	49
3. Буря (изъ Бартелеми) -	51
 III. Дѣтское чтеніе.	
1. Мысли и замѣчанія -	53
2. Случай жизни -	55
 IV. Стихотворенія.	
1. Псаломъ 3-й -	71
2. Два Канта -	72
3. Къ Секстію -	75
4. Къ Варѣ -	77
5. Къ Прелестѣ на разлуку -	81
6. Подражаніе Петраркѣ -	82
7. Другое подражаніе -	84
 V. Харьковскія записки,	
1. Записка о приѣздѣ и пребываніи Великаго Князя НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА въ Харьковѣ	56
 VI. Слѣсь.	
1. Извлеченіе изъ письма о пребываніи Великаго Князя въ Полтавѣ -	90
2. Письмо къ Издателямъ о томъ же, изъ Одессы -	97
3. Прогулка -	108
4. Библиографія выходящихъ въ Харьковѣ книгъ -	114
5. Извѣстіе о бѣдномъ сѣмействѣ -	117
6. Опъ Издателей -	119

278/2207 m.

102 278/2207 m.